

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ШВАРЦКАУ

Алекс Орлов
Шварцкау
Серия «Бронебойщик», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2469435
Шварцкау: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52595-9

Аннотация

Джек Стентон служит в войсках Тардиона и пилотирует легкий робот «таргар». Боевой работы много, одна десантная операция следует за другой. За смелость и мастерство Джека уважает начальство и боевые товарищи, а его диверсионные таланты в конце концов не остаются без внимания противника – контрразведка Аркона, проанализировав нанесенный Джеком ущерб, решает организовать на него персональную охоту. В ход идут удары с воздуха, атаки элитных подразделений и банальные покушения в городской обстановке.

Содержание

1	5
2	8
3	14
4	22
5	28
6	35
7	39
8	48
9	53
10	60
11	68
12	71
13	74
14	79
15	83
16	89
17	99
18	102
19	106
20	110
21	114
22	117
23	121

24	125
25	130
26	133
27	136
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Алекс Орлов

Шварцкау

1

Экранная маскировка весила немного, но подогнана была плохо, поэтому при движении хлопала по броне робота так, что казалось, будто кто-то карабкается по его корпусу. Нервы и так были напряжены до предела, и эти звуки здорово мешали Джеку сосредоточиться.

Его «таргар» пробирался среди кустов по глубокой балке, временами увязая в грязи по колено, однако это была единственная возможность незамеченным проскользнуть меж двух опорных пунктов арконов, расположенных на двух холмах. Их автоматические пушки держали под прицелом небольшую долину, по которой отряды Тардиона могли выйти к форту «Аллегро» – основной базе Аркона в этом районе.

Силам Тардиона уже удалось снести три таких форта, и арконы, сделав выводы из своих неудач, усилили прикрытие «Аллегро» четырьмя легкими танками и звеном шагающих роботов. С такой мобильной охраной нечего было и думать о том, чтобы штурмовать форт в лобовую, поэтому сначала следовало вывести из строя бронегруппу противника, для чего на задание были посланы Джек на своем «таргаре» и

капрал Баркли на «грее» в качестве его минимального прикрытия.

Теперь «грей» загребал грязь где-то сзади, однако там, где «таргар» проседал по колено, «грей» шагал куда бодрее. Он был вдвое выше, впятеро тяжелее и, как следствие, значительно заметнее. Однако на этом задании выше ходовых качеств «грея» ценился пилот машины – капрал Баркли. Он неплохо управлялся с ручным зенитным комплексом «спарк», поэтому именно его Джек выбрал себе в прикрытие, хотя командир взвода, лейтенант Хирш, предлагал себя в качестве пилота новенького «гасса», который пока ничейным стоял в парке. Он говорил: «Стентон, мы же с тобой неплохо сработались, неужели ты думаешь, что твой командир подведет тебя?»

Ну как ему было объяснить, что мощность «гасса» здесь избыточна? Да, он мог вступить в перестрелку с артиллерией опорных пунктов и выйти из нее победителем, но тогда на шум подтянется броневая группа форта и прилетит дюжина лаунчмодулей.

Джек как мог объяснился с Хиршем и тот вроде бы понял, но, наверное, все же обиделся.

После госпиталя он проникся убеждением, что все вокруг считают его калекой, ведь даже командир роты капитан Хольмер не давал ему никаких заданий, лишь похлопывал по плечу и говорил, дескать, не спеши, скоро всем работы прибавится, а пока гуляй с палочкой, набирай форму.

Джек по-своему жалел Хирша, но на задание взял Баркли.

Впереди оказалась яма, и «таргар» провалился по пояс. Теплообменники шарнирной пары зашипели в воде, на контрольном экране появились опасные фиолетовые разводы.

Главная пара боялась и перегрева, и переохлаждения, поэтому Джек остановил машину, давая системе восстановить оптимальную температуру.

Оранжевые цифры в углу экрана показывали время: два часа восемнадцать минут. Пока Джек и Баркли двигались по графику и должны были оказаться на месте около трех часов ночи.

– Что случилось? – прозвучал в эфире голос капрала.

– Ничего страшного, провалился в яму и теплообменники переохладились. Сейчас дальше пойдём.

– Большая яма?

– Для тебя – пустяк.

И снова движение. Внешние видеокамеры работали в режиме ночных фильтров, и оттого изображение слегка смазывалось. Любой куст впереди приобретал форму затаившегося пехотинца, и лишь тепловой анализ, после нескольких секунд волнения, успокаивал, дескать, все в порядке, никакой засады нет.

Где-то за рекой, километрах в двадцати отсюда, ждали вызова стритмодули. Они должны были прийти на помощь, если Джека с Баркли возьмут в оборот. Лишь бы не опоздали, если что, тут даже минуты решали многое.

2

Проходить между двумя холмами было особенно страшно. Антирадар то и дело вспыхивал алой диаграммой, измеряя интенсивность облучения. Расчеты капитана Хольмера оказались неверными, и мощности разведывательной аппаратуры противника с лихвой хватало, чтобы сканировать глубокую балку. Судя по плотности потока облучения, их с Баркли должны были заметить с гарантией на сто двадцать процентов, но, видно, от накладных экранов все же был толк, хотя они и были жутко неудобны. Надеть их на броню Джеку рекомендовал сам Берт Тильгаузен – главный механик батальона. Комплекты были некалиброванными, в экспериментальном исполнении, поэтому сутки напролет механики и пилоты кроили индивидуальную оснастку для «таргара» и «грея», и вот оказалось, что не зря. Диаграмма кричала о критическом уровне облучения, но залпов по роботам не последовало – противник ничего не замечал.

Когда интенсивность стала ослабевать, Джек перевел дух и отметил, что эти несколько минут он совсем не дышал. Ну или почти совсем.

– Я думал, нам кранты... – поделился переживаниями Баркли.

– Нормально. Экраны действуют.

– Ага... А я-то ругался, что они по корпусу скребут, как

будто кто-то по броне карабкается.

– Ерунда, – отозвался Джек и усмехнулся: капрал из-за шума от экранов испытывал те же ощущения, что и он.

По мере того, как два холма с опорными пунктами оставались позади, уверенности Джеку прибавлялось. Страх уходил, и оставалась лишь сама суть задания – нейтрализовать бронегруппу противника.

Если все пройдет по плану, капитан Хольмер еще до рассвета пойдет в атаку. Это тоже было важным моментом, потому что вскоре после восхода открывалась полчасовая зона видимости арконовских ВКС и они могли разнести в щепки все, что им не нравилось. Вот почему к этому времени атака должна быть закончена и все машины убраны в укрытия.

За получасом Аркона следовали полчаса Тардиона, и тогда уже его ВКС могли смешать с пылью всех арконов, которые не нашли себе места в укрытии. А потом, после периода поочередного доминирования, начиналась зона сплошной аномалии, когда второй спутник Хеброры смешивал своими гравитационными щупальцами все планы драчливых противников.

В других районах планеты ВКС имели большее значение, но в этих местах их власть урезала Хеброра.

Роботы выбрались в дельту грязного ручейка, где он отдавал свои воды ручью покрупнее. Весной здесь бывало много воды, которая проделывала в глинистых склонах затейливые

промоины, некоторые становились настоящими пещерами, в которых можно было спрятать шагающую машину. Где-то «таргара», где-то «грея», а в других даже «гасса».

Ценную информацию о существовании этих пещер тардионам переслал разведывательный стритмодуль. Сам он не вернулся – был срезан зенитным артавтоматом на выходе из долины, однако переслать файлы все же успел, и теперь Джек точно знал, где пещеры, в которых могут укрыться и его «таргар», и робот капрала Баркли.

Ближе к трем часам роботы добрались до контрольной точки, и на их навигаторах высветились нулевые показатели.

– Мы на месте, – произнес в эфир Джек.

– Хорошая новость, а то у меня уже ребра болят от этой оснастки.

Джек кивнул. Он тоже страдал от загромождения своей кабины, которая не была предназначена для перевозки боеприпасов и двадцатитрехмиллиметровой винтовки «рапира».

Даже в разобранном виде она мешала ему двигаться и управлять роботом, а что уж говорить о бедняге Баркли, который сидел в надетой на него ременной базе установки «спарк» – иначе она в кабину ни за что бы не поместилась.

Была идея тащить весь этот груз на подвесках – у «таргара» для «рапиры» имелись даже специальные крепления. Однако Джек хорошо представлял, по каким неудобьям им придется идти, и от внешних подвесок отказался. Их с Барк-

ли оружие требовалось держать в полной готовности, без дополнительного обслуживания, так что приходилось терпеть неудобства.

– Вроде подходящее для тебя место... – сказал Джек, подсвечивая тепловым фонарем пещеру с широким входом.

Баркли вздохнул. Ему предстояло завести машину в укрытие «на полусогнутых», да так, чтобы можно было потом быстро ее оттуда вывести. Почти неразрешимая задача.

Но это был семитонный «грей», а «таргар» довольствовался куда меньшим, и Джек мастерски завел его в следующую пещеру, лишь слегка уменьшив давление в опорах.

Опустив кабину, он сошел на землю и прислушался. Потом выбрался из пещеры и, осторожно ступая по скользкой от сырости траве, спустился к балке.

Со стороны пещеры Баркли слышались приглушенные пощелкивания – капрал собирал зенитный комплекс. Джек вздохнул и огляделся, ему казалось, что Баркли производит слишком много шума.

Немного привыкнув к темноте после экранов-адаптеров, Джек достал из кармана очки ночного видения, надел их и включил преобразователь.

Картинку они давали не четкую, но в них можно было хотя бы не спотыкаться. Правда, случись Джеку стрелять из револьвера, который был у него на поясе, мог бы и промахнуться. После идеальной картинки с экранов привыкать к размытым очертаниям было трудно.

Наконец из пещеры выбрался капрал и, сгибаясь под тяжестью комплекса, направился к Джеку.

– Что, тяжелая у тебя пушка? – спросил тот негромко и оглянулся. Росшие вдоль ручья безмолвные кусты, казалось, таят какую-то неведомую опасность.

– Пушка не очень тяжелая, а вот очки – дрянь. Я в них вижу хуже, чем без них...

– Ну сними...

– Если сниму, могу споткнуться и загреметь.

– Тогда не снимай.

Джек обошел капрала кругом и на ощупь проверил лежавшую на пусковой ракету. Еще семь располагались в барабанном магазине, и если Баркли постарается, сможет снять восемь лаунчмодулей, а это, считай, чистая победа.

Джек в переносных комплексах понимал немного, но, едва коснувшись этой ладной машинки, получил хороший заряд уверенности – что ему и требовалось.

– Ну что, я пойду?

– Иди. Я сейчас ружье подхватчу и тоже пойду, – сказал Джек.

Их позиции находились в разных местах. Джеку предстояло пройти по холмистому хребту еще метров триста, чтобы увидеть техническую площадку форта, где находилась бронетехника. А Баркли взбирался на холм прямо здесь, между промоинами, и с вершины должен был взять под контроль северо-западный сектор, откуда ожидалось появление лаун-

чмодулей противника.

Посмотрев, как капрал карабкается на склон, Джек вернулся в пещеру и начал доставать из кабины детали винтовки и собирать их воедино.

Он мог делать это даже с закрытыми глазами, а здесь это было очень кстати.

Оптический прицел, камера ночного видения, баллистический блок, обойма на пять патронов. Еще одну он уложил в поясную сумку и даже удивился, до чего же тяжелы боеприпасы. Теперь все это предстояло тащить на себе, не производя шума, ведь если услышит охрана форта, оттуда даже вслепую могла ударить артиллерия, тогда все задание насмарку.

Допустить этого было нельзя, на них с Баркли надеялась вся рота.

3

Тяжести винтовки Джек почти не замечал, к такому грузу он был привычен со времен обучения у Ферлина, но маскировочный комбинезон свистел при каждом шаге, издавая предательское «фьюйт-фьюйт». Джек пробовал замедлять шаг, ускорять, но ничего не помогало, пока он не догадался расставлять ноги пошире.

Наверное, выглядел он при этом не слишком красиво, зато почувствовал себя спокойнее – комбинезон перестал подсвистывать, и Джек целиком сосредоточился на дороге.

Он уже четко представлял, где находится форт, однако пока не видел его за вершиной высокого холма. Джек был так сосредоточен на поиске звуков опасности, что не сразу услышал шелест сухих трав под набегавшим ветром и пощелкивания луговых сверчков, у которых начинался сезон размножения.

Некоторые из них подпрыгивали и летели, сколько могли, на своих куцых крылышках, издавая звук крохотного мотора. Пара сверчков ударилась в Джека, и он в очередной раз остановился, чтобы сориентироваться.

В очках полыхнуло красноватое зарево – он еще не видел форта, но тепловой фон от техники и трансформаторов связи уже выдавал расположение объекта.

Сняв с пояса минный сканер, Джек пошел медленнее, од-

нако форт поставили сравнительно недавно, срочных дел у арконов было много и до минирования окрестных высот они еще не добрались.

«Ну и хорошо», – подумал Джек.

Тепловое зарево становилось все заметнее и рельефнее, принимая форму отдельных построек и сливающихся с ними ярких пятен не остывших танковых моторов, которые недавно проверяли механики.

Последние метров сорок Джек преодолел на четвереньках, затем лег в сухую траву и связался с Баркли:

– Привет. Я на месте.

– Я тоже на месте.

– Не замерз? – зачем-то спросил Джек.

– Нет. Аппаратура только оттестировалась. Боекомплект в порядке.

– Тогда я начинаю. Не прямо сейчас, но ты услышишь...

– Удачи, Джек.

– И тебе.

Подняв очки на лоб, Джек начал подключать прицельные устройства «рапиры». Им требовалось немного времени, чтобы прогреть электронную начинку и почувствовать себя готовыми к работе. Один за другим цвета контрольных огоньков сменялись с синих на зеленые.

Джек приложился к окуляру и повел стволом в сторону форта. Качество и четкость картинки были такие, что Джек даже улыбнулся. Можно было регулировать яркость, вклю-

чать подсветку цели и делать целую кучу разных настроек, но сейчас этого не требовалось. Пока нужно было сосчитать цели и определить их уязвимые места.

Танки Джек нашел сразу, ведь два из них недавно заво-
дили и в инфракрасной картинке они были хорошо замет-
ны. Здесь же, у забора технической площадки, стояли и два
других. Джек сразу решил, что будет разбивать им навесное
оборудование – укрытые в бронекожухи приемные экраны.
Разумеется, из строя такой пустяк машины вывести не мог,
однако в темноте они станут видеть, как сквозь дрянные оч-
ки, на которые жаловался Баркли.

Теперь роботы. Четыре «гасса» расположились возле лег-
косборного ангара. Два стояли к Джеку боком, а два лицом.
Машины были сильно перегружены вооружением, в основ-
ном за счет ракетных контейнеров; судя по всему, против-
ник собирался использовать роботов как шагающие огневые
точки. Но именно этому Джек намеревался помешать. Охла-
ждающие вентиляторы ему видны не были, зато навесные ге-
нераторы, столь необходимые для перегруженных оборудо-
ванием роботов, он видел очень хорошо. Стоило поразить их
– и обвешанные ракетами «гассы» не наскребут электриче-
ства для управления этими ящиками.

«Раз... два... три... четыре... пять...» – начал считать
Джек, на счет перемещая прицел на новую цель.

Так он выстраивал маршрут стрельбы, чтобы потом не
сбиться и не начать стрелять по уже пораженным объектам.

После пяти воображаемых выстрелов следовало сменить обойму. Джек хлопнул себя по правому боку, сразу попав на большой карман с обоймой.

Все под рукой, можно было начинать, но с высокой вышки за площадкой следил часовой. На фоне квадратной будки он был хорошо виден в прицел, однако трогать его было нельзя – сработает датчик пульса, включится сигнал тревоги, тогда уже спокойно не постреляешь. Лучше уж сразу начать с главных целей.

Джек прицелился в приемный экран крайнего слева танка и увидел цифры дистанции – семьсот сорок два метра.

«Нормально», – подумал он и выстрелил. Задавленный глушителем звук растворился в порыве ветра.

Не дожидаясь результата, Джек перевел прицел и выстрелил снова, еще не уверенный в том, что попал в первую мишень. Но вот она сверкнула яркой точкой – пуля пришла к цели!

Джек в быстром темпе отстрелялся по танкам, вогнал последнюю пулю в навесной генератор первого «гасса» и, отщелкнув пустую обойму, стал доставать новую.

Бросил взгляд в сторону форта, но ничего не заметил – все тихо.

Еще пара секунд и – кляц! Патрон дослан в ствол. Джек приложился к окуляру и принялся за оставшихся «гассов».

Раз-два-три! Работа закончена. Ветер усилился, засвистел в травах, в глаза полетел какой-то мусор. Джек стал отпол-

зять и только сейчас заметил, что мимо пролетают огненные стрелы трассеров – с далекой вышки в его сторону бил пулемет.

Прерывисто завывла сирена, а пулемет продолжал стрелять не прицельно и, казалось бы, бессистемно. Впрочем, это очень напоминало указатель направления.

«Миномет!» – успел подумать Джек, скатываясь под уклон, и вскоре на холме захлопали взрывы и раскаленные осколки брызнули по сторонам.

Бежать с винтовкой было трудно, но бросить «рапиру» Джек не мог.

– Джек, ты как?

– А? – не понял Джек, стараясь не скользить на мокрой траве.

– Ты живой?! – спросил Баркли.

– Да, ухожу! Лаунчи появились?!

– Жду! Может, и не появятся... Хотя, нет...

Мины еще продолжали рвать близлежащие холмы, но Джек уже понял, что бьют они по квадратам и ничего про него не знают. Скоро рота пойдет в атаку, и если он продырявил хотя бы половину мишеней, форт будет захвачен.

– Стентон, мы уже в атаке! Вы там как?!

Это был Хольмер.

– Я отстрелялся, сэр!

– Молодец!

Джек хотел добавить что-то еще, но тут на другой стороне

ручьё как будто лопнула бочка с горючим и так полыхнуло жаром, что Джек свалился на землю и закрыл лицо руками.

Только сейчас он заметил, что очки все еще на лбу, хотя необходимости в них больше не было – вокруг горели трава, кустарник, и все было хорошо видно. За первым взрывом последовала целая серия. Ракеты веером разлетались со стороны его недавней позиции и перемалывали все на своем пути.

Перевернувшись на дымящейся траве, Джек оглянулся и увидел грозный силуэт «гасса», с ожесточением опустошавшего ставший бесполезным запас ракет.

Повреждение Джеком навесного генератора сделало ракеты обузой, и пилот робота расстреливал их, как простые неуправляемые снаряды, стараясь, однако, укладывать поближе к росшим вдоль балки кустам.

«Бум-бум-бум!» – захлопали над холмом зенитные ракеты – это Баркли встречал группу лаунчмодулей. Вспышки его ракет были ярко-фиолетовыми, а разлетающиеся обломки лаунчей – красно-желтыми. Но в группе оказалось не менее дюжины машин, они прорвались сквозь заслон и, снизившись к холмам, понеслись прочь, чтобы развернуться и тогда уж разобраться со своим обидчиком.

– Беги, Барк! – хрипло закричал Джек и, поднявшись, побежал.

– Уже! – прохрипело радио. – Уже бегу, Джек!

На западе загрохотали пушки двух опорных пунктов, стараясь через холмы достать наступавшую роту. Тонко зазве-

нели вентиляторы лаунчмодулей, и Джек упал на землю, ожидая удара гранаты, но лаунчи искали Баркли, и вскоре несколько взрывов полыхнули на том месте, где он недавно их встретил.

Снова ударили ракеты «гасса». Несмотря на начавшуюся атаку противника, он не присоединился к своим товарищам и начал спускаться по склону, двигаясь, как показалось Джеку, прямо на него. Это было ужасно – видеть, как тебя преследует двадцативосьмитонная громадина, под опорами которой ухала земля.

Задыхаясь от дыма и кашля, Джек пригибался к земле и быстро перебирал ногами, то и дело оглядываясь на силуэт робота, который, как ему казалось, приближался очень быстро.

За холмами закипал бой, и лаунчи, бросив Баркли, все ушли туда.

У Джека еще был шанс добраться до пещер, но что дальше? Один выстрел ракетой – и пещера станет печкой!

– Джек, ты живой?

Это был Баркли.

– Да, Барк... Но за мной «гасс» увязался... – сообщил Джек, снова оглядываясь на маячивший силуэт.

– «Гасс»?! – переспросил Баркли испуганным голосом. Его «грей» был «гассу» не соперник.

– Да, и он бежит за мной... Не знаю, работает ли у него прицел, но наверняка он что-то видит!

– Я сейчас выведу машину и отвлеку его!

– Погоди, Барк... Пещер много, может, мы его обманем...

Встав на колени, Джек перевел дух и попытался получше оценить ситуацию. До пещер еще сотня метров, это немного, а в магазине три патрона. Но одно дело стрелять из засады, когда роботы заняты дракой друг с другом, и совсем другое – оказаться с этой машиной один на один.

Нет, стрелять бессмысленно. Джек поднял винтовку и заземнил прочь, стараясь нагибаться как можно ниже.

4

В пещере было прохладно, и воздух казался свежее, чем снаружи. Джека это радовало, хотя десять минут назад он чувствовал волнение и холод.

Прижавшись к стене, он стоял, прислушиваясь к доносящимся снаружи звукам. Видимо, бой уже шел на подступах к форту, потому что пушек опорных пунктов было не слышно, значит, Первую роту они уже не видели.

– Барк?

– Да.

– Ты где сейчас?

– Наблюдаю за ним из своей пещеры...

– Он далеко от меня?

– Метров шестьдесят. Что думаешь делать?

– Может, пронесет?

– Если искать не станет – пронесет.

«З-з-з-з-ы-ы-ы-ы-м!» – прозвенело где-то рядом, и Джек воспрянул духом.

– А-а, застремался! – прокомментировал Баркли.

– Чего там?

– Стритмодули прошли! И он сразу дернулся – пулеметами закрутил!

– Я тоже понял, что наши. А сколько их?

– Я не видел... Джек!

– Что?

– Он идет на тебя! Он идет прямо на твою пещеру! Заскакивай в кабину, иначе спалит прямо в яме!

Джек застыл на месте, ему казалось, что все уже бессмысленно, но в следующее мгновение он очнулся, подбежал к кабине и, переломив винтовку по разьему, забросил внутрь. Затем запрыгнул на пилотское сиденье и включил подачу.

– Я – «пингар», прошу поддержки! – закричал Баркли на открытой волне. – На нас насаждает «гасс»!

– Урым... уро... бру... – отозвался кто-то, из-за помех совсем неразборчиво.

Джек подвигал наводку своей пушки. Но что такое двадцать три миллиметра против лобовой брони?

В спину больно давила не до конца разобранный «рапира», но Джек этого не замечал.

– Наша высота пять-девятнадцать! Как слышите? Нужна поддержка! – продолжал кричать Баркли, а Джек увидел силуэт «гасса». Теперь вражеский робот стоял всего в двадцати метрах от входа в пещеру, и казалось, что его оружие направлено прямо в нее.

Баркли кричал что-то еще, возможно, даже обращался к Джеку, но тот молчал, загипнотизированный видом темного силуэта.

«З-з-з-з-ы-ы-ы-ы-м!» – прозвучало где-то рядом, и в головную часть «гасса» врезалась неуправляемая ракета.

Удар был сильным, вспышка яркой, однако этот монстр

серьезно не пострадал и тут же закрутился на месте, сопровождая полет стритмодуля шквальным огнем из пулеметной спарки.

Самое время было сбежать и затеряться между кустами – авось повезет! Джек даже взялся за джойстик, как вдруг совсем рядом застучала пушка. Это был Баркли!

Воспользовавшись тем, что «гасс» отвлекся на атаку с воздуха, он вывел «грея» и атаковал противника почти в упор – долбя по нему бронебойными болванками с расстояния в тридцать метров. Джек видел, что снаряды ложатся близко к ходовым узлам, оставляя красноватые пятна разогретого металла. Но едва возмущенный «гасс» поднял главный калибр, заработала пушка Джека. Он знал манипуляторы «гасса» до последнего винтика и бил наверняка, коварно целясь в главную тягу. С третьего выстрела ему это удалось, и Джек сделал шаг в сторону, уводя «таргар» с линии атаки. Через мгновение в холм врезалась ракета – всего на метр выше входа в пещеру.

С потолка обрушились пласты глины, едва не завалив «таргар» и свернув ему камеру заднего вида.

Снова застучала пушка «грея» – Баркли боялся, что «гасс» дожмет Джека в полузасыпанной пещере. Большой робот ответил очередью из крупнокалиберных пулеметов, Джек услышал треск навесной брони «грея».

Снова атаковали стритмодули, и «гасс» был вынужден отстреливаться от назойливых аппаратов, а упрямый Баркли

снова открыл огонь – теперь уже совсем близко. Джек почти видел, как его подраненный «грей» бьет и бьет по левому манипулятору, надеясь разбить механизм пулеметов.

В холм снова ударили ракеты – одна, другая, третья, но опять слишком высоко – системе наведения «гасса» не хватало электричества.

Тем временем Джеку удалось разгрести опорами глину и он стал продвигаться к выходу.

– Джек, ты как? – спросил Баркли.

– Я в порядке, сейчас выйду... Он далеко?

– Он убрался. У него пулеметы покалечены, а без них его стриты добьют...

Работая джойстиком, Джек вывел машину из полузасыпанной пещеры и увидел на экране «грей» Баркли.

Выглядел тот скверно, странно было, что у него еще держалась пушка, потому что на манипуляторе не осталось ни одной целой накладки, а корпус кабины треснул в нескольких местах.

– Хреновая картина? – поинтересовался капрал.

– Отличная, Барк. Ты меня спас.

– А ты меня. Не ожидал, что ты так легко ему тягу ссадишь!

– Повезло, – сказал Джек и, повернув машину, посмотрел вслед далеко ушедшему «гассу».

А над фортом усиливалось зарево, и аудиофильтры четко фиксировали звуки выстрелов.

– Как у тебя с маслом? – спросил Джек.

– Утечки есть, но как-нибудь доберемся, – ответил Баркли.

– Лучше вызови капитана.

– Им сейчас не до нас.

– Тогда давай подождем минут десять. За десять они управятся.

– Управятся, – согласился Баркли. Тут его робот качнулся.

– Эй, да у твоего «грея» дыра в боку! Ты знаешь? – воскликнул Джек, пуская свою машину вокруг раненого робота.

– Знаю, – нехотя признался Баркли.

– Сквозная!

– Навылет.

– Так ты ранен?

– Немного задело, но уже перевязал.

– Точно немного?

– Точно. У меня тут свободно, байду эту я на горке бросил, когда от лаунчей бежал...

Джек наконец вспомнил о свой «рапире», которая больно впивалась в спину, и приоткрыл дверцу, чтобы разобрать винтовку и убрать в кофр.

Через пару минут на связь вышел капитан Хольмер.

– Как вы там? – спросил он.

– Выжили, сэр, – ответил капрал.

– Оба на ходу?

– На ходу.

– Тогда возвращайтесь. Стриты накрыли опорный пункты полностью, так что можно не бояться.

– Очень хорошо, сэр. Мы идем.

5

Часовой возле штаба козырнул лейтенанту, но тот его даже не заметил, как будто с трудом понимал, что происходит вокруг.

Солдат проводил офицера удивленным взглядом и покачал головой. На комбинезоне этого бедняги виднелись прожженные дыры, лицо было закопчено, а на шее болтались обрывки гарнитуры связи.

Не стучась, он толкнул дверь и ввалился в комнату оперативного планирования, где, склонившись над копией карты района, стоял майор Фрей и задумчиво посасывал мундштук электронной сигареты.

– Рулоф! Ну наконец-то! – воскликнул он, распрямляясь. – Почему не докладывали?! Что с фортом?!

– С фортом? – переспросил лейтенант и грустно улыбнулся. – Форт мы оставили, сэр. А не докладывал, потому что вот...

И он сдернул с шеи оборванную гарнитуру.

– У «гасса» полкабины снесено, поэтому я двигался даже без навигатора и понятия не имею, кто там остался цел, а кто нет...

Лейтенант вздохнул и посмотрел вокруг ищущим взглядом.

– Дайте выпить...

Майор повернулся к сержанту, тот сделал шаг к привинченному к стене сейфу, отпер его и достал бутылку с крепким солдатским пойлом. Налил половину большого стакана и подал лейтенанту, тот выпил алкоголь, словно воду, вернул стакан и подошел к столу, где лежала карта.

– Мы потеряли весь район, лейтенант.

– Да, сэр, это ясно, – кивнул Рулоф, глядя куда-то сквозь карту.

– Что там хоть было? Вы сами расскажете, или я должен каждое слово из вас щипцами вытаскивать?! – начал сердиться майор. В штабе полка от него ждали подробностей, а он пока не мог им сказать ничего, кроме того, что форт потерян. Майор в ярости прикусил мундштук, тот треснул.

– Сэр, я... – лейтенант покачал головой, – я до сих пор не могу понять, как это произошло. Нас среди ночи разбудил сигнал тревоги и мы побежали в парк – обычная ночная тревога, как и множество других. Но в этот раз все было по-настоящему – пока мы бежали, из бункера уже заработал миномет и начал обстреливать дальние холмы. У них там уже были пристрелены площадки.

– Понимаю, – коротко кивнул майор, продолжая сжимать в зубах сломанный мундштук.

– И еще пулеметчик – он стрелял с вышки трассирующими, указывая минометчикам направление.

Майор снова кивнул. Рассказывая, лейтенант то и дело умолкал, и это раздражало.

– Я забрался в кабину, запустил системы с панели быстрого запуска и тут заметил, что навесной генератор не работает, понимаете?

– Он вышел из строя?

– Не просто вышел из строя, сэр, а был поврежден. Краузе и Люкс тоже сообщили о повреждениях, значит, это была какая-то диверсия.

– А что потом? Как захватили форт?

– Они атаковали нас, сэр. В тот самый момент и выяснилось, что наши машины практически выведены из строя.

– Что вы говорите, Рулоф? У вас было танковое звено! У вас были четыре тяжелых робота, и вы не смогли отбить атаку?! – Майор сердито швырнул в угол раскрошившийся мундштук. Его вдруг прорвало, и он кричал, наверное, целую минуту, приводя все более смешные доводы не в пользу лейтенанта и других его коллег, однако уже и сам понимал, что это лишь вспышка бессмысленного гнева.

После потери трех фортов они решили подстраховаться и максимально усилили прикрытие, взяв из «энзэ» четыре новые машины. И что же противник? Он перехитрил их и каким-то образом умудрился повредить генераторы по крайней мере у трех шагающих машин.

– Они атаковали нас силами механизированной роты, сэр. Ну, или чуть меньше...

– Но вы со своей позиции должны были сжечь их! – снова взорвался майор.

– И смогли бы, если б у нас работали навесные генераторы, а так – мы едва передвигали опоры и лупили ракетами куда попало, лишь бы сбросить.

– А танки? Почему они не поддержали вас?!

– Танкисты пытались, сэр, они вели частый огонь и наступали в контратаке, но их снаряды проносились где-то в стороне от противника, складывалось впечатление, что у них тоже что-то было не в порядке.

– Они стреляли неточно?

– Хуже, сэр. Они просто мазали с большой дистанции, а ближе их не подпустили.

– А что же лаунчеры? У вас была приличная поддержка из лаунчмодулей!

– Да, сэр, должны были подойти двадцать четыре аппарата, но, как я понял, половина из них была брошена на диверсантов.

– Про диверсантов пока что ничего не ясно! – раздраженно бросил майор и достал из кармана другой мунштук.

Настоящая сигарета успокоила бы его в полминуты, а эти электронные имитаторы давали лишь временное облегчение.

Майору очень хотелось курить, он давно пытался бросить, но все никак не получалось, да и как тут бросишь с такой работой?

В дверь постучали.

– Входите! – крикнул майор. В штабную комнату заглянул

перепачканный сажей сержант-механик.

– Чего тебе, Хаузер? Что еще случилось?

– Прошу прощения, сэр, я по поводу машины лейтенанта Рулофа...

– И что с ней?! Снесено полкорпуса – это я уже знаю!

Сержант покосился на лейтенанта, ища у того поддержки.

– Он по поводу навесного генератора, сэр...

– Ах так? Ну говори, мы хотим узнать это немедленно!

– Пробит навывлет бронебойным малокалиберным снарядом.

– То есть каким малокалиберным? Точнее!

– Двадцать три миллиметра.

– Двадцать три миллиметра, – повторил майор и вздрогнул от разнесшейся вдруг отдаленной канонады.

– Наши ВКС наносят удар, сэр... – подсказал ему сержант-чертежник.

– Я знаю, что это наши ВКС! Только где они были ночью?! – пробурчал майор, хотя прекрасно понимал, что из-за спутниковых аномалий это было единственное временное окно, когда космические силы могли видеть и атаковать цели.

– У тебя все, Хаузер?

– Да, сэр.

– Можешь быть свободен.

Сержант отсалютовал перепачканной рукой и вышел. Майор затянулся имитатором. Хорошо бы достать те новые

картриджи, которые позволяли переключаться на двадцать сортов табака. Хорошо бы, но пока годились и эти. В прошлом месяце он пробыл на марше четверо суток совсем без сигарет. Вот это было испытание. К концу недели был готов скурить даже портянку.

– Что еще можете рассказать, Рулоф? – спросил майор, поглядывая на сгорбившегося лейтенанта.

– Когда нас опрокинули, сэр, и когда загорелись танки, мы стали отходить. Сначала организованно, прикрывая друг друга, а потом нас накрыли ракетами стритмодули, началось бегство.

– Избавьте меня от этих подробностей, лейтенант...

– Нет, сэр, послушайте, это важно. Поскольку мы потеряли форт, я решил хотя бы выяснить, по кому на далеком холме стреляли пулеметчик и минометный расчет.

– И что же? – заинтересовался майор и даже вынул изо рта мундштук.

Лейтенант продолжил не сразу, он заново переживал потрясение недавнего боя, на его осунувшемся лице проступали капли пота.

– Я видел очень нечетко, электричества не хватало и экраны работали в аварийном режиме, но все же заметил какое-то движение – вроде перемещения пехоты – и стал преследовать их, полагая, что выйду на какой-нибудь бронетранспортер или десантный танк и уж там расправлюсь со всеми разом, но ничего не обнаружил – только пещеры. Мно-

го пещер в глиняных склонах. Только я подумал опустить корпус, чтобы прямой наводкой вогнать в каждую яму по ракете, как налетели стритмодули. Пока я от них отстреливался, появился тардионский «грей» и начал почти в упор бить по кабине и манипуляторам.

– Ну так дал бы ему из главного! – не выдержал майор.

– Я попытался, сэр! Но едва поднял манипулятор, как из ближайшей пещеры ударила малокалиберная пушка. Всего несколько выстрелов – и тяга на главном манипуляторе была перебита. Я открыл огонь ракетами – наобум, лишь бы отбиться, а потом еще из пулеметов по «грею». Я бы мог добить его – дистанция была совсем малой, но тут снова налетели стритмодули и пришлось уходить.

– Значит, по тебе бил тот самый снайпер-диверсант? Это он ссадил тебе тягу?

– Думаю, что да. Уж очень лихо у него это получилось, хотя было темно.

Лейтенант вытер рукавом лицо, а майор вздохнул и, поглядев на недоделанную карту, спросил:

– Что еще скажешь?

– Дайте выпить, сэр.

6

Через полчаса после этого разговора поступило сообщение об обнаружении воздушной разведкой двух «гассов» и одного танка. Все три машины двигались на аккумуляторах и автономке – их основные механизмы были повреждены, а пилоты время от времени теряли сознание.

Майору Штоккеру позвонили из штаба полка, чтобы выяснить, почему он медлит с докладом, так что ему пришлось собрать воедино весь свой опыт, артистизм и фантазию, чтобы описать начальству, в какой переплет попали вверенные ему войска.

– В результате спланированной мною поисковой операции, сэр, нам удалось обнаружить три тяжелых робота и легкий танк типа «бэ-эс» и сейчас мы доставляем их эвакуаторами в ремзону, чтобы провести экспертизу для дальнейшего...

– Хватит! – оборвал его начальник штаба полка. – Даю вам еще час, майор, чтобы доложить что-то более внятное!

– Сэр, против моего батальона применили какое-то новое оружие! Я уверен в этом!

– Выводы будет делать полковая комиссия, майор!

– Но почему же сразу комиссия, сэр?

– Все! Жду доклада через час! – сказал как отрезал начштаба и отключил связь.

Майор вздохнул и постоял еще какое-то время, чтобы собраться с мыслями. Затем повернулся к сержанту-чертежнику:

– Я пойду в техпарк, а ты заготовь листы бэ-четыре и це-шесть. Склей их, чтобы, когда я вернусь, мы нанесли обозначения.

– Слушаюсь, сэр! – ответил сержант и щелкнул каблучками. Он ценил это тихое местечко и не собирался, как его предшественник, попасть на передовую из-за какого-нибудь пустяка.

Майор взял с тумбочки кепи, еще раз оглядел штабную комнату и вышел на крыльцо, заставив вытянуться стоявшего там часового.

– Что, приятель, спишь? – спросил майор, спускаясь по ступеням.

– Никак нет, сэр! Не сплю!

– Нет, спишь, – не согласился майор и, проходя мимо отсыревшего угла штабной постройки, остановился и повернулся к часовому:

– А кто у нас ссыт на углы штаба? Кто подмывает боеспособность, а, рядовой?

– Это не я, сэр!

– Точно не ты?

– Точно, сэр!

Часовой был шокирован таким чудовищным подозрением и не знал, как доказать свою невиновность.

– Ну, если не ты, значит, диверсанты. Они теперь повсюду, – произнес майор и направился в техпарк, куда уже втаскивали последний из найденных «гассов».

В воротах парка к нему подошел главный механик. Вытирая ветошью руки, он кивнул в сторону обездвиженных стальных тел:

– Полная переборка, сэр. Проще сказать, что у них уцелело.

– А пилоты где?

– Док утащил их к себе в санчасть. В кабинах полно крови и бинтов, а танкист вообще едва живой. Непонятно, как машину вел.

– Ты мне вот что скажи, что там с этими навесными генераторами? Что за пробоины?

– Ах это... – Механик понимающе кивнул. – На всех трех «гассах» генераторы пробиты бронебойными снарядами.

– Вот задница, – произнес майор и хлопнул ладонью по пыльному столбу ограждения.

– Это еще не вся задница, сэр. Приемный экран танка тоже прострелен тем же калибром – двадцать три миллиметра.

– Та-а-ак! – протянул майор и сдвинул кепи на затылок. Если бы уцелел командир форта, он бы подставил его для разбирательства со штабом полка, а теперь получалось, что за все придется отвечать самому.

А теперь начнется: «Почему не была обеспечена надлежащая охрана?», «Почему противник подошел на расстояние

выстрела?» и еще куча всяких «почему» от начальника штаба и полковой комиссии, а финалом всего может стать отставка без денежного содержания.

Майор посмотрел на часы. До срока, установленного начальником штаба, оставалось чуть более получаса, у него могло что-то получиться, если успеет поднять шум еще до доклада. Но как? Следовало подумать.

Бросив взгляд на копошившихся вокруг изуродованных машин механиков, майор вспомнил, как в детстве подкладывал в муравейник жуков и смотрел, как деловито те раздвигали добычу. То же делали и механики, пользуясь навесными подъемниками и кран-балками. Муравьи, одно слово.

После ночной кутерьмы в бюро было время обеда. Рановато, конечно, для обеда, но для тех, кто работал круглосуточно, это было неважно.

Дай спецу пожрать, тогда и жди от него успехов. Майор Танжер усвоил это очень хорошо. Его люди работали сутками напролет и не роптали, поскольку получали самое лучшее питание, а поспать могли на составленных стульях, тем более что стулья в бюро были мягкие – словно специально придуманные для казарменного режима работы.

Имелась туалетная комната с запакованными наборами для умывания, душевая на две кабины и даже запас солдатских спортивных костюмов вместо пижамы. Все условия – только работай.

Четверть часа назад из города к воротам штаба доставили восемь порций лазаньи с бараниной, два свиных рулета, полдюжины говяжьих котлет и суп «армо» – восемь порций.

До города было двадцать километров, по местным меркам достаточно далеко, но поскольку заказ был большой, а Танжер давал курьерам по пять ливров чаевых, они с готовностью возили заказы и даже вручали бесплатные десерты, вроде крахмала из генномодифицированного картофеля с сахарозаменителем и фруктовой эссенцией.

Несмотря на аппетитный вид подобных бонусов, Танжер

приказывал сливать их в унитаз, но курьерам об этом знать не следовало. В бюро вообще все держали в тайне, это была специфика их работы.

Через приоткрытое окно в кабинет прорывался бодрый ветерок и щекотал пятки Танжера, который, сняв ботинки, дремал в кресле, закинув ноги на подоконник.

В дверь постучали.

– Ну, кто там стучится? Входите, я же разрешаю без стука! – крикнул Танжер, сбрасывая с лица салфетку, которой прикрывался от яркого света.

– Это я, сэр, – сказал Говард, протискиваясь в кабинет. – Просто я подумал – вы же отдыхаете...

– Ладно, говори...

– Какой-то командир батальона прорывается в бюро через два связанных сервера. Требуется бюро дивизии.

– Но мы-то бригада.

– Да, – кивнул Говард. – Но дальше его все равно не пропустят, он всего лишь майоришка. Извините, сэр.

– Ладно, переключай, я отвечу ему как майоришка майоришке.

Говард вышел, а Танжер снял трубку с аппарата и услышал далекий голос:

– Але, добрый день, сэр! Доброе утро, то есть...

– Доброе утро. Начальник бюро службы безопасности, слушаю вас.

– Сэр, я всего лишь командир батальона и я...

– Да, майор Штоккер, я вижу на экране сопроводительную информацию, давайте ближе к делу.

– Сэр, мое полковое начальство решило меня высечь за потерю форта – вместе с ним мы потеряли контроль над целым районом. И это несмотря на беспрецедентное усиление его новой техникой. Теперь к самой сути. Вся техника была выведена из строя с помощью бронебойного ружья с дистанции примерно метров семьсот с лишним. Ни я, ни кто-то другой не могли обеспечить защиту от столь нетривиального, не предусмотренного никакими уставами нападения и...

– Постойте! Как можно повредить технику из бронебойного ружья с такого расстояния? Что у вас была за техника?

– Четыре «гасса» двадцать четвертой серии и четыре легких танка «бэ-эс».

– И что, этому оружию удалось продырявить их броню? – удивился Танжер. Ему показалось, что он зря теряет время с этим провинциальным командиром батальона, которому не хочется попасть под руку полковой комиссии.

– Сэр, прошу прощения, если я говорю сумбурно, но некий умелец из Тардиона прострелил четыре навесных генератора на «гассах» и четыре приемных экрана на танках «бэ-эс», сделав нашу технику не готовой к внезапной атаке, понимаете? Я уверен, что это дело службы безопасности, ведь обычными армейскими возможностями здесь не справиться – у меня в батальоне просто нет никакой защиты от диверсантов!

– Так, минуточку... – Танжер стал потирать указательным пальцем переносицу, он всегда так делал, чтобы поймать порхавшую совсем рядом мысль, хотя если точнее – всего лишь догадку.

– Сэр? – спустя минуту произнес майор. В его голосе было столько надежды на помощь и страха перед комиссией, что Танжер решил помочь. Впрочем, по-другому и не выходило, ведь это точно был их случай.

– Вот что, майор Штоккер, давайте мне сюда подробнейший отчет о том, что произошло. Желательно с поминутной раскладкой. Все, кто уцелел, должны написать собственные отчеты, и ничего страшного, если они будут повторяться.

– Я понял, сэр!

– Полагаю, там много раненых?

– Они все в медчасти, сэр, но из четверых уцелевших трое вполне могут говорить.

– Вот и хорошо. Выдайте мне полный отчет, а я свяжусь с вашим начальством и скажу, что это целиком наша история – мы заберем ее для расследования.

– Большое спасибо, сэр! Вы меня спасли! Я сейчас же побегу составлять донесения – самые полные!

– Ну, и удачи вам... – произнес Танжер, опуская трубку на аппарат. – Говард!

– Я уже здесь, сэр, – отозвался сержант, появляясь в дверном проеме.

– Все слышал?

– А нельзя было?

– Не паясничай. Позвони в штаб этого полка и скажи, что мы эту историю с диверсантом забираем для расследования и что комбат ихний не совсем виноват. Понял?

– Не виноват? – уточнил Говард.

– Нет, так говорить нельзя, мы же не военно-полевой суд и не войсковая комиссия. Как бы не виноват, понимаешь?

– Чтобы они его не сожрали...

– Да, чтобы они его не сожрали. Иди работай, а ко мне позови нашего глубокоуважаемого капитана Кербита.

– Я ему скажу через дверь, потому что он сейчас в сортире.

– Ни к чему эти подробности, Говард, просто скажи ему и скорее звони в полк, а то сожрут нашего осведомителя.

– Бегу...

Дверь закрылась, майор откинулся на спинку кресла и снова набросил салфетку на лицо.

Пока сержант передаст вызов капитану, который в сортире, пока тот оттуда выберется и придет в кабинет начальника, пройдет минуты полторы, а это в руках настоящего разведчика целое состояние, потому что полторы минуты – это шестьдесят плюс... тридцать секунд. А всего – девяносто. За девяносто секунд можно почувствовать расслабление, тепло во всем теле... уснуть... увидеть сны...

– Разрешите, сэр?

– М-да, разрешаю, – произнес Танжер, сбрасывая салфет-

ку и возвращаясь к реальности.

Спустив ноги на пол, он стал неспешно обуваться, вспоминая минувшие сновидения. Кажется, это был райский островок с зелеными пальмами, белоснежным песком и голубой водой. А еще там были прекрасные туземки, штук двадцать.

«Интересно, как они там одни выживали?» – подумал Танжер, завязывая последний шнурок.

– Ты вот что, Петер... – начал было Танжер, но, распрявившись, увидел в руках капитана пластиковую папку.

– Все уже при мне, босс, – сказал тот и, не дожидаясь разрешения, опустил на стул.

– Он тебе, что, через дверь сообщил, о чем я подумал? – поинтересовался Танжер, еще не зная, что в папке, но догадываясь.

– Он – это Говард?

– Конечно, кто же еще? Это ведь он у нас то ли вражеский шпион, то ли посланец далекой инопланетной цивилизации.

– Я бы предпочел, чтобы вражеский шпион...

– Я тоже, но давай к делу.

– Весь внимание, босс.

– Это отчеты по операции «Машинерия»?

– Да, по неудавшемуся штурму.

– Давай все акты по поврежденным машинам. Меня интересует эти нестандартные пробоины.

– Разумеется, нестандартные, иначе бы этот материал к нам не попал, – сказал Кербит, выкладывая из папки листы

с актами осмотров поверженной техники.

– Итак, – майор взял пару актов и стал их просматривать. – Поражение лопастей вентилятора... поражение лопастей вентилятора. Тут – повреждение гнезда ходовой пары и снова – поражение лопастей вентилятора.

– А у меня вот – повреждение тяги манипулятора главного орудия. Два случая, и в обоих тяга перебита, – сообщил Кербит.

– И тоже двадцать три миллиметра?

– Тоже. Везде приведены замеры, спектральный анализ частиц бронебойного сердечника и даже фотографии.

Кербит стал раскладывать на столе фото, но Танжер не уделял им особого внимания, лишь мельком проглядывая и отбрасывая в сторону.

– Там где-то были еще показания, – напомнил он.

– Вот они. Это показания Хельмута Райцеля, пилота «гас-са», а вот более полный отчет лейтенанта Гардзинского, он пилотировал «чино».

Танжер стал читать. Оба пилота сходились в главном – они заметили огневую точку противника в тылу своих боевых порядков и попытались ее подавить, обстреливая из вспомогательного вооружения. Однако всерьез заняться этой позицией у них не было возможности, поскольку в этот момент обе стороны завязли в плотном бою на средних и ближних дистанциях.

Отбросив эти отчеты, Танжер посмотрел в окно, потом

оперся о стол и посмотрел на Кербита в упор.

– Что? – подобрался тот.

– Петер, почему мы сразу не взялись за этот случай?

– Потому, что тут данных – кот наплакал. Потому, что мы тогда откатились далеко назад и было много работы по обеспечению скрытых перевозок, ночного патрулирования, перехвата диверсантов... Ты что, хочешь, чтобы я поднял всю текучку за последние месяцы и объяснил, почему мы не взяли?

– Нет, – покачал головой Танжер и, откинувшись на спинку кресла, вздохнул. – Сам не знаю, чего я хочу, но в прошлый раз мы должны были покопаться основательнее.

– Джеф, дорогой, тардионов после той драки тоже отправили в тылы да по госпиталям раскидали. И очень может быть, что тот стрелок не уцелел вовсе, а теперь мы имеем дело с совершенно другим человеком. И Говард уверен в этом.

– А почему с человеком, а не с роботом?

– Ну... – Кербит пожал плечами. – Чутье мне подсказывает, что это не лаунчер какой-нибудь. Одно дело – пускать роботы-автоматы в рейды с заданием вроде «уничтожь всех, кого встретишь» и совсем другое – организовать согласованную операцию, где одни совершают диверсию, а другие, воспользовавшись ее плодами, атакуют в лоб, как в случае с этим фортом.

– Слушай, ты больше меня знаешь, тебе, что, Говард все это выложил? – удивился Танжер.

– Он меня с минутой этим дайджестом угощал, пока я из сортира не выбрался, – признался Кербит.

– Та-а-ак. Значит, он этого майора до меня выдоил...

– Конечно, выдоил. Говард кого хочешь выдоит.

8

После актов о повреждениях пришел черед просматривать заключения экспертов, которых набралась целая дюжина. Были тут и откровения механиков из ремонтных бригад, и тактиков из оперативного отдела штаба дивизии, были ровные повествования экспертов из военного института и эмоциональные выступления двух командиров рот.

Чтобы лучше разобраться в ситуации, Танжер приказал Говарду вернуться «из ссылки» в серверной, передоверив прием донесений автоматической системе.

На каждый из отчетов Танжер, Кербит и Говард составляли по краткой записке в один абзац и передавали отчет по кругу, чтобы свое мнение о нем составил следующий член группы. Это была уже отработанная методика мозгового штурма, она помогала прийти к правильным выводам по кратчайшему пути.

Через час с небольшим работа была закончена, и перед майором оказался ворох перепачканных карандашным грифелем бумажек, а чуть дальше на столе – стопка вкладышей из фруктовых ирисок «Цоца», который Говард любил жевать в минуты активной умственной работы.

Фантики он сразу прятал в карман, а вот вкладыши копил стопкой, чтобы затем просмотреть еще раз, перед тем как выбросить.

Сержант объяснял это детской привычкой, но Танжера оно слегка напрягало, ему хватало и собственных детских комплексов.

– Итак, господа офицеры... – произнес майор, как будто забыв, что Говард всего лишь сержант. – Из всего того, что мы тут перелопатили, основной мыслью проходит главное – действие броневой группы или отдельного стрелка противника нанесло существенный, если не сказать, – тут Танжер поднял кверху палец, – устрашающий ущерб нашей бронегруппе, что стало решающим фактором в сражении при холме «Машинерия». Вот так-то. Не слишком пафосно?

– Объективно, – кивнул Кербит. – Нужно помнить, что вражеский стрелок наносил свой удар в тот момент, когда машины подходили к самому переднему краю и были уже изрядно потрепаны вражеским огнем. У пилотов уже была не та реакция, хватало всякой малости, чтобы машины окончательно вышли из строя.

– Тем более что эта сволочь била им прямо в спины, – добавил Говард, просматривая вкладыши.

– Точнее сказать – в самые уязвимые места, – поправил его Танжер.

В дверь постучали, и Говард вышел, чтобы вскоре вернуться с еще теплыми листами отчета пилота, выжившего во время штурма форта.

– Вот, сэр, – сказал он, пробегая глазами мелкий шрифт. – Здесь то же самое.

– Ты должен прежде отдать это мне, а не орать через стол, – напомнил Танжер.

– Прошу прощения, сэр, я только просмотрел наискосок, – извиняющимся тоном сказал Говард и протянул отчет начальнику. Поймав на себе неодобрительный взгляд капитана Кербита, он скромно опустился на стул.

– Ну да... Ну да... – наконец произнес Танжер, откладывая присланный отчет. – Все как под копирку, как будто схватка при «Машинерии» растянулась до самого боя за этот форт.

Говард с Кербитом переглянулись, но высказываться не решились. Танжер не любил, когда его перебивали.

– Почитайте, коллеги, – сказал майор, милостиво разрешая Кербиту заглянуть в отчет, а Говард стал читать через плечо капитана.

– Ну-у, все понятно, – протянул капитан Кербит спустя пару минут.

– Да, тут все ясно, – поддержал его Говард, возвращаясь на место.

– А раз ясно, начинаем по этому делу работать. Вначале нужно уточнить, к какому подразделению этот снайпер может быть приписан. Потом найти, где теперь это подразделение и, конечно, желательно получить списки личного состава, чтобы не вышло путаницы, какая у нас иногда случается.

– Думаю, он прибыл к ним незадолго до «Машинерии», – предположил Говард.

– Почему?

– Иначе бы раньше проявил себя. Такие таланты на войне не залеживаются.

– Согласен. Научить такого на месте теоретически возможно, но долго и хлопотно. И почему тогда не научили раньше? И почему не одного, а сразу целое отделение? Соглашусь с тобой, Говард, человек этот скорее всего прибыл уже подготовленным снайпером.

– А насколько это вообще сложно – подготовить такого специалиста? – спросил капитан Кербит.

– О-о-о, – протянул Говард, но по делу ничего не сказал.

– Можно, конечно, поинтересоваться у специалистов – и мы это обязательно сделаем, – сказал Танжер. – Но я как-то имел дело со снайперской практикой. Так вот, скажу я вам, это целая наука, которая не каждому дается. А ведь он стрелял с семи сотен метров в генератор размером с арбуз!

– Да еще, видимо, в хорошем темпе, – добавил Кербит. – Ведь парк находился под охраной и часовой поднял бы тревогу, как только услышал бы стрельбу или какой-то треск.

– Именно, – согласился Танжер. – Поэтому, капитан Кербит, вам нужно организовать схему нового расследования, а ты, Говард, отпишись от нашей текучки.

– По хищениям на интендантских складах?

– Да, по хищениям.

– Но это же выигрышное дело, сэр! Мы будем смотреться там настоящими рыцарями!

– И тем не менее, не будем жадничать. Передавай это дело в комиссию – пусть они разбираются с этими генералами.

– В комиссии эти воры откупятся, – заметил Кербит. – Найдут старых дружков.

– Пускай. Они уже достаточно напуганы, а мы займемся этим тайным снайпером. Сейчас это куда более важное дело, ведь по эффективности оно может сравниться с каким-нибудь чудо-оружием. Если мы не сможем нейтрализовать эту угрозу, в следующий раз они атакуют цель покрупнее, и неизвестно, к чему это приведет. За работу, коллеги, а я посмотрю, что у нас с человеческим ресурсом. Чувствую, что придется выложиться всему составу бюро.

– И, возможно, прикомандированным из центра, – добавил Кербит, собирая бумаги в папку.

– Возможно.

Над позеленевшей медной чашей подпрыгивала струйка слабенького фонтана. Джек сидел на скамье, в тени большого куста сирени и ел мороженое, то и дело поглядывая на часы и на дверь небольшого доходного дома, одного из множества одинаковых построек, принадлежавших какой-то фирме.

Все домики здесь были обшарпанными и недорогими, а потому в них селились студенты, наемные рабочие и прочая не отягощенная средствами публика. Много было проституток-надомниц, массажисток и психологов, объявлениями об услугах которых были обклеены все заборы и стены самих домов, где эти услуги и оказывались.

Мимо пробежал бродячий пес – потомок когда-то забытого на улице пуделя. Остановившись, он бросил на Джека оценивающий взгляд, прикидывая, не перепадет ли чего-нибудь от его трапезы, но, видимо, решив, что нет, побежал дальше.

Из запущенного палисадника вышла пятнистая кошка. Посмотрев вслед собаке, она перешла дорогу и скрылась в палисаднике на другой стороне дороги.

Джек доел мороженое, свернул обертку в комок и засунул в широкую трещину на скамейке, где было полно других оберток, окурков и жевательной резинки. Он уже слегка жалел о том, что согласился на предложение лейтенанта Хирша

смотреться в город «для амурных дел». Сам Джек в амурном направлении пока не нуждался, ему хватало приключений на боевой работе, но лейтенант, засидевшись в госпитале, а потом в вынужденном запасе, хотел показать себя с лучшей стороны и накануне познакомился с девушкой, которая брала с мужчин деньги, но лейтенант почему-то настаивал, что она не профессионалка.

– Может, тоже к какой-нибудь зайдешь? – предложил он Джеку, прежде чем пойти на свидание. – Вон сколько их из окна выглядывает.

Из окон действительно выглядывало немало специалистов, готовых оказать помощь одиноким солдатам, но Джек к этому был не готов. Он еще не чувствовал себя настолько обжившимся на войне солдатом, которому срочно требуются карты, девки и спиртное. Наверное, время еще не пришло.

– Нет, я лучше пойду куплю мороженое и вернусь на скамейку. А вы идите, сэр, и ни о чем не переживайте.

– Ну как знаешь, – пожал плечами Хирш и пошел через улицу, заметно налегая на трость, с которой ему было рекомендовано ходить еще два месяца.

С этого момента прошло три часа, Джек уже дважды сходил за мороженым и один раз в туалет – в небольшой ресторанчик на другой стороне проезжей улицы. Там ему дали бутерброд с жареной рыбой и бутылку пива. Джек просидел за столиком с четверть часа и вернулся на скамейку, однако лейтенанта там все еще не было, пришлось есть третье

по счету мороженое «розовый барбарис», потому что сидеть просто так было уж совсем тяжело.

Джек посматривал на часы и удивлялся – ну откуда в лейтенанте столько сил на утехи, если он и ходить-то еще толком не научился? Ему вспомнилось свидание с Китти Холланд, которая привечала всех парней в округе. Тогда все закончилось довольно быстро, намного быстрее, чем в кино «про это». А здесь – три часа! А вдруг что-то случилось?

Джек даже встал со скамьи, подумав, что нужно пойти и выяснить, в порядке ли лейтенант Хирш, но в этот момент дверь домика распахнулась и появился он сам – собственной персоной с тростью наперевес.

– Сука! Бессмысленная сука! – закричал он, вприпрыжку пересекая улицу. – Я тебе припомню этого калеку! Я тебе припомню калеку!

Джек не знал, что и думать. В окне дома он заметил женщину в кружевной сорочке с большими, чуть испуганными глазами на бледном лице. Что там могло случиться?

– Сука! Бессмысленная сука! – повторил лейтенант, останавливаясь рядом со скамьей. Потом нервно улыбнулся и сказал:

– Ну вот я и освободился. Поехали, больше мне здесь делать нечего.

Хирш на мгновение замешкался, глядя то в одну, то в другую сторону.

– Наша машина – там, – сказал Джек, указывая рукой.

– Да, точно, что-то я не сразу сориентировался, – согласился лейтенант и зашагал в указанном направлении, налегая на трость. Джек пошел следом, ожидая каких-то разъяснений, но лейтенант был погружен в свои мысли. Было ясно, что мысли эти невеселые.

Их внедорожник стоял на солнцепеке и сильно нагрелся. Машина имела легкое бронирование, но кондиционера ей не полагалось, поэтому пришлось открывать все окна. Вдобавок, забираясь в салон, лейтенант ударил себя по носу рукоятью трости. Покраснев от ярости, он едва не взорвался ругательствами, однако присутствие Джека его остановило.

– Ужасный сегодня день, тебе не кажется? – спросил он, заводя мотор.

– Да вроде нормальный день был... – пожал плечами Джек, едва не добавив: пока я с тобой не поехал.

– А у меня с самого утра не заладилось, – признался Хирш и несколько нервно начал сдавать машину задом, ухитрившись заехать колесом на клумбу. Наконец они выехали на проезжую часть, и Хирш сразу прищпорил голосистый мотор, быстро переключая скорости и впуская в окна свежий ветер.

– Я утречком люблю печенье с молочком или с чаем покушать! – продолжал он, обгоняя один автомобиль за другим. – Сегодня заварил чаю, налил в стакан и печенье стопочкой поставил, а сам отошел носки надеть – не люблю, когда тапочки на босу ногу, меня это нервирует...

Джек кивнул. После возвращения из госпиталя лейтенанта все нервировало. Механиков в техпарке он до того замутил, что даже политкорректный старшина Тильгаузен однажды не выдержал и послал его открытым текстом. Правда, Хирш на него вовсе не обиделся.

– И вот иду я обратно, с этой палкой, разумеется, – продолжал Хирш, кивнув на лежащую между сиденьями трость, – и то ли ковер дернул, то ли что-то еще, но стопка печенья вдруг свалилась со стола на пол, а сверху грохнулся стакан с чаем и даже разбился, зараза! И все утро насмарку, представляешь? К тому же это было последнее печенье.

– Можно остановиться и купить печенья.

– Купим, конечно, но в центре. Там есть хороший магазин – я уже разведал в прошлый раз.

Мимо проехал военный микроавтобус, также принадлежавший Тардиону, впрочем, других в этом районе и быть не могло. Город был разделен на две части – в одной могли появляться только солдаты Тардиона, в другой – только Аркона, а вот центр был общим.

У каждого отпускника в увольнении была специальная карта с линиями раздела зон города, чтобы не было недоразумений. Говорили, будто на таком порядке настояла администрация города, которой нравилось, что солдаты оставляли в городе свои деньги, но когда, приняв на грудь, они начинали задирать своих противников, военные действия переносились на городские улицы.

– Все же эта Оливия – бессмысленная сука, – вспомнил вдруг Хирш и хлопнул ладонью по баранке, отчего сработал сигнал и ехавший перед ними фургон подался к обочине.

– Если ты заметил, я после госпиталя стал немного нервным. Заметил?

Джек пожал плечами, не зная что ответить.

– Ну, может быть, вы стали чуть резче? Это имелось в виду?

– Ну да – резче! Это из-за костыля и этой хромоты, понимаешь? Хочется поскорее уже забраться в кабину и погонять своего «грея» как положено. Я к нему в парк каждый день хожу и вижу, что он тоже скучает...

Хирш вздохнул и вдруг резко выжал тормоз, от чего заскрежетали покрышки, и машина остановилась на светофоре.

Джек представил, как лейтенант гладит броню «грея» и разговаривает с ним. Для постороннего это показалось бы странным, но в роте все пилоты относились к своим машинам как к живым существам и здоровались с ними, когда приходили в парк. Это было нормально.

– А Хольмер, мне кажется, что-то задумал, – сказал Хирш, барабаня пальцами по рычагу переключения скоростей. – Ты не слышал, он ничего такого не задумал?

– Насчет чего?

– Насчет меня. Мне кажется, он хочет от меня избавиться и взять кого-то другого. Я уже и в строевую часть ходил,

пытал сержанта Бизона, но тот ничего не сказал, только пучил на меня глаза, как сумасшедший. Хольмер вполне мог запугать его, он только выглядит мягким, а на самом деле он жесткий человек. Очень жесткий.

Включился зеленый, и Хирш, распугивая на «зебре» запоздалых прохожих, дал машине полный газ.

– Одним словом, меня эта история с собственной неполноценностью очень, знаешь ли, угнетает. А помнишь, как мы с тобой «большой сато» разделали? – неожиданно сменил тему Хирш.

– Разве такое забудешь? – улыбнулся Джек и зябко повел плечами. Воспоминания были не самыми приятными, да и не помнил он ничего, кроме жуткого страха, переходящего в оцепенение. Даже когда стрелял в арконовских роботов из бронебойного ружья в битве при «Машинерии», он чувствовал себя куда увереннее, чем в схватке с «большим сато».

Нет, определенно это были не те воспоминания, которые хотелось перебирать, как любимые игрушки.

Мест для парковки в центре было мало, и лейтенант загнал внедорожник на бетонный парапет позади большого магазина. Затем они с Джеком выбрались из машины и под неодобрительными взглядами грузчиков магазина спустились с парапета на землю.

Лейтенант отсалютовал местным тростью:

– Не сердитесь, ребята, мы ненадолго.

– Ой, да там стройка! – заметил Джек, останавливаясь перед проулком, заваленным строительными материалами, за которым маячили стены из нового кирпича.

– Ничего, пройдем мимо стройки – так значительно ближе, а то в обход с костылем не очень-то хочется.

И они пошли, лавируя между стопками кирпича, штабелями облицовочных плиток и связок стальной арматуры.

– Представь только, я захожу к ней и говорю – здравствуй, Оливия, едва дождался встречи с тобой, то да се, и тут она выдает: «Мой бедненький калека!» Представляешь?! Бедненький калека!

– Да, – кивнул Джек, представив реакцию лейтенанта.

– Я ей говорю, я к тебе не лечиться пришел, дура! Я, говорю, боевой офицер, а эта трость дело временное! Она, понятное дело, сразу залепетала, дескать, я не это имела в виду, я хотела как лучше, я всегда раненых жалею...

Дорогу к проходному двору перегородил большой контейнер, Джек стал его обходить и едва не столкнулся с широкоплечим здоровяком в грязной куртке и в кепке с раздвоенным козырьком.

– Деньги есть, служивый? – сиплым голосом поинтересовался громила, нагибаясь над Джеком. – Давай быстро, а то на больничку съедешь.

И он показал Джеку кривую заточку, а из-за его плеча выглянули еще два бандита с такими же небритыми рожами.

– И ты, хромой, тоже борсетку давай! Или снова полечиться хочешь?

Джек от такой неожиданности, наглости и напора потерял дар речи, а лейтенант Хирш как будто обрадовался нежданной встрече. Его лицо озарила сумасшедшая улыбка, и он с ходу рубанул тростью громилу по голове.

Тот взвыл, подался назад, и Хирш снова атаковал его, а затем и двух других бандитов, рубя их налево и направо и ловко перебрасывая трость из руки в руку, если не удавалось достать врага.

Полноценной схватки не получилось – налетчики позорно бежали, а Хирш вошел в раж и даже швырнул им вслед обломок кирпича. Затем вытер со лба пот и, показав Джеку трость, заметил:

– Они мне говорили – возьми кленовую, они самые лучшие, но я выбрал вяз и ничуть не жалею!

– Сэр, а вы в отличной форме! – произнес Джек.

– А то! Я же каждый день отжимаюсь по семьдесят раз. А сегодня даже наказал себя за разбитый стакан и сделал целую сотню отжиманий.

– А я и понять ничего не успел, хотя у меня револьвер.

– Правда револьвер?

– Правда.

Джек поднял куртку и показал кобуру с оружием.

– Действительно, револьвер. Что, хорошо из него стреляешь?

– Когда не забываю про него, как сейчас, – сказал Джек не без досады и посмотрел в ту сторону, куда убежали налетчики.

– Ну и ладно, – отмахнулся Хирш и стряхнул со штанины мусор. – Да! Я ведь прервался! Слушай дальше...

И они пошли к невысокой арке, за которой шумела транспортом городская улица.

– Меня после этого «калекушки»...

– Каллекушки? – уточнил Джек.

– Да, она назвала меня каллекушкой! Или я тебе не говорил?

– Вы сказали – просто калека.

– Нет! Просто калеку я бы еще стерпел, я бы не расстроился и как-то смог бы с ней побыть, ну хоть по минимуму! Но – каллекушка! Это бьет ниже пояса, это как пушка у «гасса» – как шарахнет, так ходовая в одном месте, а кабина в другом! Я потом как ни старался и она тоже старалась, но привести

в порядок боевую часть не получилось. Так и ушел ни с чем, и она осталась тоже ни с чем. А за что я ей должен платить? За старания? За стремление к миру? Сука бессмысленная...

– Простите, сэр, но что вы там делали три часа?

– Три часа?

– Я ждал вас три часа, сэр.

– Правда? – искренне удивился лейтенант. – Ну, наверно, так и было... И все эти три часа мы старались, но никакого толку – абсолютный штиль.

– В штиль снаряды хорошо ложатся, прямо по науке, – заметил Джек, глядя куда-то через улицу.

– Это да. Но не всегда мы на фронте, парень. Одним словом, дал я ей двадцать ливров за старание и ушел ни с чем.

– Вы же сказали, что не платили, сэр, – напомнил Джек.

– Правда?

– Правда.

– Когда это?

– Полминуты назад.

Лейтенант не ответил, и они постояли какое-то время на тротуаре, глядя на обходивших их прохожих. Лейтенант поглядывал на девушек, а Джек на солдат Аркона, которые хороводились на другой стороне улицы возле кафе «Фернандель».

– Знаешь, в последнее время я стал замечать за собой одну особенность – несу какую-то хрень и даже сам себя не контролирую. Как думаешь, это пройдет?

– Непременно пройдет, сэр.

– А когда? – тут же спросил Хирш и, опершись руками на трость, уставился на Джека с таким вниманием, словно тот в этом деле был главным специалистом.

– Думаю, до первого боя, сэр, как тогда с «большим сато». Нужно крепко понервничать, тогда весь мусор и выскочит, а останется только главное.

– И хотел бы я тебе поверить, Стентон, но ты всего лишь салага, едва нюхнувший пороху. Думаешь, все так просто – завалил из ружья пару железок и уже ветеран? Все уже повидал?

– Это солдаты Аркона, сэр...

– Где? – вскинулся Хирш, перехватывая трость, как недавно для схватки с налетчиками. – Ах, вон ты о чем? Нет, тут они не опасны. Здесь они, как и мы, только на отдыхе. Заметь, что их форма чуть темнее нашей, а в этом кафе есть замечательное печенье. Пойдем я прямо сейчас куплю его – думаю, пачек двадцать.

– Вы же хотели в какой-то магазин, – напомнил Джек, пристально глядя на арконов. Ему не хотелось к ним приближаться.

– Идем, пока машин нет, – сказал лейтенант и, прихрамывая, зашагал через улицу, а Джеку оставалось лишь идти следом.

– Спасибо тебе за твои добрые слова, Джек. Тебе можно верить, ведь, хотя ты и прибыл к нам недавно, но успел так

нюхнуть пороху, что многим ветеранам и не снилось. А уж как ты валил арконовские железки из бронебойного ружья! Это отдельная песня!

– Тише, сэр... – попросил Джек, невольно хватая лейтенанта за локоть. Он уже видел, что арконы обратили на них внимание и перебрасывались короткими, похожими на команды фразами.

– Да ладно, мы все здесь равны, и они такие же солдаты. Сегодня схватились и били друг друга до смерти, а завтра братаемся в каком-нибудь баре... Это жизнь, приятель. Наша теперешняя жизнь.

Лейтенант прошел мимо четверых арконов и, внезапно подмигнув им, заставил противника попятиться. Джек с Хиршем зашли в кафе, где пахло сдобой и свежим кофе, а за столиками сидели человек десять гражданских и столько же солдат Аркона.

Лейтенант подошел к стойке и улыбнулся девушке в фирменной форме с оранжевой надписью «Фернандель». Та улыбнулась в ответ, однако тут же скосила взгляд на военную публику, которая заметила вторжение противника.

Оставив свои разговоры, солдаты Аркона обменивались многозначительными взглядами и посматривали на тардионов.

Джек вдохнул кофейный запах, да так и застыл на месте, не зная, что предпринять. С одной стороны, ситуация выглядела неприятной, и неизвестно, чем все это могло кончиться.

ся, однако рядом был лейтенант Хирш, который отменно работал тростью, а у Джека за поясом имелся револьвер, и это как-то примиряло его с окружающей действительностью.

Но все же было не слишком уютно.

– Нам нужно печенье, мисс, – сказал лейтенант, с улыбкой поглядывая на симпатичную девушку.

– Какое бы вы хотели? – спросила она, подходя к полке со сладостями.

– Жасминовое.

– Сколько вам?

– Двадцать коробок.

– А задница не слипнется, лейтенант? – крикнули из зала.

– Если слипнется, я тебя, языкастого, позову! – с достоинством ответил лейтенант и снова улыбнулся девушке, но та, опустив глаза, стала быстро собирать заказ.

Аркины в зале загудели, как потревоженные пчелы.

– Сколько у тебя патронов, Джек? – поинтересовался Хирш.

– Вместе с запасными – четырнадцать.

– Ну... здесь восемь и снаружи четверо, значит, два патрона еще останется... Я правильно посчитал?

– Правильно, сэр, – ответил Джек, не понимая, шутит Хирш или говорит серьезно.

Получив от девушки большой пакет, Хирш расплатился, и они с Джеком вышли на улицу.

– Будь наготове, приятель, – предупредил лейтенант. – Да-

же на нейтральной территории мы остаемся врагами. Сегодня можем пить в баре за соседним с арконами столиком, но завтра вступим с ними в бескомпромиссный поединок, который начался не сегодня и закончится не завтра. Гляди, как они смотрят на нас, – сколько ненависти. И это жизнь, приятель. Наша теперешняя жизнь.

В дверь постучали. Хольмер убрал листки с донесениями в железный ящик – этому его научили еще в начале карьеры, потом поднялся и, поевшись, взял стакан с ванильным молоком.

– Входите! – сказал он и сделал глоток.

Дверь приоткрылась.

– Разрешите, сэр?

– Ну я же сказал – входи, значит, можно, – ответил капитан. – Как съездили?

– Спасибо, сэр. Нормально, – ответил Джек, уже сомневаясь, что правильно сделал, придя к командиру роты. – Я хотел... Я хотел сказать по поводу лейтенанта Хирша, сэр.

– А что ты хотел сказать, Стентон? – спросил капитан, и глаза его сузились, став колючими и неприветливыми.

– Сэр, это, конечно, вам решать, но мне кажется... Мне кажется, лейтенанту нужно дать нормальную боевую работу, а то он пропадет.

– Вот как?

Хольмер отставил стакан и, встав со стула, подошел к Джеку ближе. Он не ожидал, что Стентон явится защищать своего командира взвода, ведь пока на того все только жаловались, уверяя, что он выжил из ума и ему пора в отставку.

– А с чего ты взял, что это ему поможет?

– Я подумал, сэр, что его недомогание быстро пройдет, как только он снова переживет настоящую опасность.

– Клин клином вышибать, что ли?

– Думаю, под прицелами арконовских пушек ему будет не до нервных болезней, сэр.

– А ты знаешь, Стентон, я ведь тоже так думаю. Я тут давеча наблюдал за тем, как он сел в кабину своего «грея». Сразу переменился человек, сразу стал прежним, хватким и надежным, а потом выбрался из машины и снова – дурак дураком, даже жалко стало.

– Я тоже это видел, сэр, – признался Джек и вздохнул.

– Ну что же, раз мы уже вдвоем так думаем, значит, мы принимаем коллективное решение. Через два дня у нас патрулирование прифронтной зоны, вот пусть он и поведет свое подразделение.

– И я тоже пойду?

– Ты – нет.

– Почему?

– Потому, что твой «таргар» еще маслом моросит. Я сегодня говорил со старшиной, он сказал, что будут менять сальники.

Джек не нашел, что возразить, и вышел за дверь. Его мысли все еще были заняты лейтенантом Хиршем.

Между тем капитан уже думал о задании для Джека. Он еще не знал, примет ли начальство предложенную им операцию и поставит ли он на нее Джека, но все же не исключал

этого.

Хольмер допил молоко и, достав из ящика документы, снова погрузился в вязкий текст, составленный нерадивым писарем: «Означенные выше обязанности командиров надлежит выполнять в соответствии с ранее означенными пунктами, предварительное ознакомление с которыми было возможно...»

Капитан прервался, открыл дверцу шкафа и достал початую бутылку коньяка. При работе с такими документами молоко не помогало.

Услышав звук будильника и еще не до конца проснувшись, Роджер подумал, что нужно сменить батарейку – слишком уж заунывно попискивал звонок. Однако, пробудившись окончательно, он понял, что это не будильник, это был голос его жены – Зельды, которая кричала ему из кухни:

– Роджер, тебе звонят! Проснись, Роджер!

Она, конечно, могла бы подойти и растолкать его, а не кричать из кухни, однако по утрам Зельда любила стряпать и отдавалась этому занятию целиком.

Павловский не глядя протянул руку, и Зельда, подбежав, сунула ему трубку, попутно испачкав каким-то то ли медом, то ли повидлом.

– Слушаю... – хрипло ответил он.

– Привет, Родж! Как поживаешь?

– Кто это? – спросил Павловский и спустил ноги на пол. Сна как не бывало – его насторожил странный тон незнакомца.

– Это же я, Сид! Мы познакомились в «Лангурии» два месяца назад. Неужели забыл? Мы тогда здорово посидели, и я угостил тебя ромом. Ну, что, вспомнил?

– Да, вспомнил.

– Слушай, тут есть одна темка, чтобы обсудить.

– Мне неинтересны твои темки, я сейчас завтракаю и иду

на работу.

– Ничего, надолго не задержу. Давай, Родж, выходи, а завтраком я тебя и сам угощу, прямо в кафе – тут неподалеку.

Делать было нечего, и Роджер пошел умываться, вспоминая подробности знакомства с Сидом или кто он там был на самом деле.

Примерно два месяца назад, после получения небольшого бонуса, он с двумя сослуживцами пошел в ресторан – отметить премию. Там они хорошо посидели, выпили и познакомились с тем самым Сидом. Он предложил Роджеру продолжить праздник за его счет, и Роджер с готовностью согласился, тем более что был вечер пятницы.

Они переходили от бара к бару, зашли в игровое бюро, потом познакомились с какими-то девицами в ресторане «Бристоль», и везде Сид платил не задумываясь, так что Роджер чувствовал себя на настоящем празднике.

Девицы были симпатичные, по крайней мере на тот момент Роджеру так казалось, а потом вся компания перебралась в какой-то гостиничный номер – просторный и дорого обставленный, и так получилось, что Роджер был там с обеими девицами, а Сид его фотографировал. Роджер, по понятным причинам, не сразу обратил на это внимание, а когда заметил, накричал на Сида, и тот сразу убрал фотоаппарат. Но Роджер после этого обиделся и уехал.

Потом все как-то забылось, и он решил, что инцидент остался в прошлом, но, видимо, не остался. Теперь этот

непонятно откуда взявшийся Сид ждет его, чтобы... Роджер даже представить не мог, что именно мог потребовать от него этот Сид.

Съев через силу парочку печений, Роджер поцеловал жену в щеку и, кисло улыбнувшись, отправился «на работу». По крайней мере, так он ей сказал. Потом спустился во двор и увидел незнакомый автомобиль, однако тот оказался пустым.

Роджер перекинул портфель из руки в руку и подумал, что этот Сид, наверное, все же оставил его в покое, но это было не так – Сид ждал на улице, прохаживаясь вдоль тротуара, и оба сразу узнали друг друга.

– Здорово, приятель! – воскликнул Сид, протягивая руку, но Роджер сделал вид, что не заметил.

– Ты как в прошлый раз добрался? Без приключений? – ничуть не смутившись, продолжал Сид. – Давай зайдем вот в это кафе, я там сегодня уже был – омлет просто пальчики оближешь.

Роджер остановился и посмотрел прилипчивому Сиду в глаза, надеясь своей решительностью заставить его отступить, но Сид не зря ел свой хлеб, он в ответ только усмехнулся и, толкнув Роджера в плечо, сказал:

– Ну-ну, дружок, давай не будем друг друга задерживать. Тут делов-то на пару минут, и разойдемся миром.

13

В кафе было жарко, по крайней мере так показалось Роджеру. Они прошли к дальнему столику, и Сид попросил у сонного официанта две порции «волшебного омлета с грибами». Тот неопределенно пожал плечами и ушел.

– Что тебе нужно? – спросил Роджер, стараясь, чтобы его голос звучал твердо и бескомпромиссно.

– Да пустяк, просто дружеская помощь.

– И в какой же области?

– Да понимаешь... – Сид вздохнул. – Тут дело подвернулось – вывести на чистую воду одних хапуг.

– А я при чем?

– Ты можешь помочь достать документы для сверки.

– Для какой сверки?! – вскинулся Роджер, ясно представив себе лицо начальника службы безопасности компании. Даже не имея никаких прегрешений, Роджер невольно затаивал дыхание, проходя мимо этого человека, а теперь что же? Прямая измена? Должностное преступление?

– Там все просто. Пришел товар, часть его провели вбелую, а часть списали, понимаешь? Продали налево, деньги по карманам. Ну, обычное дело.

– Ну так сделаете запрос продавцу, и он вам вышлет всю документацию!

– Нет, если сделать запрос официально, тот человек, кото-

рый наводит со стороны продавца, сразу обо всем узнает, сообщит подельникам, и доказательная база рухнет. Допустить этого никак нельзя, Родж, поэтому требуется твоя помощь. Я люблю работать с профессионалами.

– Я не работаю с документами об отгрузке, Сид, я снабженец! Мое дело – тара, металл, гвоздевая лента, кругляк, медный пыц!

– Что медный?

– Пыц. Это такая литейная форма.

– Вот! Видишь, как много тебе известно! – заметил Сид и со значением поднял кверху палец. – Нам без твоей помощи никуда.

– Я же сказал... – прошипел Роджер, вцепляясь в грязную столешницу. – Я работаю совсем в другом отделе.

– Но ведь наверняка в отделе отгрузки у тебя есть знакомые. Ты же в компании больше двадцати лет, каждую собаку в лицо опознать можешь.

– Нет у меня там знакомых!

– А Ферлюр? Поль Ферлюр, с которым ты тогда выпивал? Отличный, между прочим, парень.

– Так почему же ты не обратишься к нему?

– Не знаю, – пожал плечами Сид и вздохнул. – Как думаешь, здесь курят?

– Понятия не имею.

– Вот и я не знаю. Просто ты мне тогда больше понравился, приглянулся как-то. Это вопрос личной симпатии, пони-

маешь? Вот взглянул на человека, и он тебе симпатичен, а другой, сколько ни смотри, – клизма жеваная.

– Что?

– Я говорю – негодный инвентарь, сколько на него ни смотри.

Подошел сонный официант и поставил на стол две порции.

– Что-нибудь еще?

– Два чая, пожалуйста, – сказал Сид. – Ты не против, Джерри?

– Не против, но я вообще-то Роджер!

– Да, я вспомнил, – сразу согласился Сид и, обращаясь к официанту, спросил: – Скажите, а у вас можно курить?

– Нет, ни в коем случае!

– Тогда принесите, пожалуйста, пепельницу.

Официант кивнул и удалился.

– Поль Ферлюр не одобрит моего желания получить эти документы, – сказал Роджер, машинально пододвигая к себе тарелку. – Он честный человек и весьма педантичен, когда дело касается документации.

– А никто и не говорит, что нужно извещать старину Ферлюра. Просто приди к нему в гости, подложи в чай слабительного и, пока он будет в сортире, скопируй файлы.

– Но у него в комнате еще два человека!

– Значит, пусть пьют чай вместе. Придумай что-нибудь, Роджер, ты же смысленный парень.

– Это не настоящий омлет! – заявил Роджер капризным тоном, тыкая вилкой в синеватую массу.

– С чего ты взял?

– Да тут даже кусок этикетки остался! Вот!

И он выдернул из-под омлета клочок упаковочного пластика с подробным описанием состава грибного омлета. Ни яйца, ни грибы там ни разу не упоминались.

– Какой ужас, – произнес Сид и, не дождавшись пепельницы, закурил.

– Я не буду тебе помогать, потому что это противоречит моим взглядам на порядочность и лояльность своей компании, – сказал Роджер, глядя в стол.

– Зря ты так. Я же тебя угощал, а ты отказываешь мне в небольшой услуге.

– Ничего себе услуга! – воскликнул Роджер. Заметив, что на него стали оборачиваться, он умолк и втянул голову в плечи.

– Твоя жена Зельда производит впечатление женщины основательной и где-то даже старомодной в хорошем смысле этого слова.

– Она не поверит.

– Я покажу ей фото.

– Там ничего нет, ты снимал со... со спины.

Сид усмехнулся и стряхнул пепел на свой омлет. Затем достал из кармана видеоплеер и положил его на стол уже включенным на нужном месте.

Перед Роджером замелькали планы один заманчивее другого – пока это были только раздетые девицы, но потом в кадре появился и он сам. И тоже в самых красноречивых ракурсах. Он был вполне узнаваем, хотя и не на все сто процентов, но Зельде этого будет достаточно.

– Убери эту гадость, – потребовал Роджер и прикрыл глаза. Вся его жизнь рушилась.

– Да ладно тебе, – сказал Сид, – хороший, между прочим, ролик. Ты там такое выдавал, что я тебя реально зауважал. Мужик с большой буквы, вот ты кто.

Роджер почувствовал, что ему нравится эта, пусть и неискренняя, похвала, а ведь фактически Сид над ним издевался.

– Между прочим, Сид, бакенбарды в наше время никто не носит. Их не носили уже во времена моих родителей.

– Ты сейчас прямо как моя первая жена говоришь. Та тоже все критиковала мои бакенбарды, кричала – сбрей их, стань настоящим человеком, а не то я тебя брошу. А я ей возьми да и ляпни: постригись наголо – сбрею бакенбарды.

– И что? – спросил заинтригованный Роджер.

– Побрилась, прикинь! – Сид усмехнулся и затушил сигарету в омлете.

– И что ты сделал?

– Да бросил я ее и уехал. Я и так не знал, что с ней делать, а тут, прикинь, она лысая. Бросил и ничуть не жалею, хотя баба она, конечно, была видная, жаль, что мы с ней расстались, очень жаль. Но я не жалею.

До самого обеда Роджер был сам не свой. Путал накладные, адреса поставщиков, невпопад отвечал распорядителю и все посматривал на дверь, ведь за ней находился коридор, где стоял электрогейзер с кислородной водой, потом дверь в туалет, который сейчас не работал, так что ходить приходилось на другой этаж. За туалетом поворот, еще две двери и, наконец, отдел отгрузки.

Уф! Даже жарко стало. Роджер уже несколько раз мысленно проделывал этот путь и всякий раз волновался так, будто крался туда наяву. Ну пустяк же, пойти, заглянуть, поболтать и необязательно предпринимать что-то еще. Можно так же спокойно уйти и подождать лучшего случая, например, остаться допоздна, а затем пробраться в комнату Поля. Правда, и тогда он мог попасться на глаза охране, но это маловероятно.

Когда до обеденного перерыва осталось менее четверти часа, Роджер оставил рабочее место и сказал коллегам, что спустится в холл – подышать.

– Что-то душно сегодня как-то...

– Это к дождю. Передавали, что до конца недели будут ливни, – поддержал его распорядитель, и Роджер вышел в коридор.

Там он немного постоял, собираясь с силами, потом по-

смотрел на электрогейзер с кислородной водой, подошел к нему и налил стаканчик.

Выпил, но не полегчало. Прошелся мимо двери неработающего туалета и, заглянув за угол, увидел удалявшегося в сторону лестницы Поля. В его руках был журнал, значит, Поль уходил в туалет – без какого-либо чтива он туда надолго не отправлялся.

Это был шанс. Роджер выждал еще минуту, вышел из-за угла и, прошагав мимо двух отделов, толкнул дверь отдела отгрузки.

– Эй, а где Поль? – спросил он, указывая на пустующее место.

– Ушел с журналом – почитать, – с усмешкой произнесла коллега Поля, женщина с фиолетовыми волосами и большим, лежащим на клавиатуре бюстом.

– А как же фильм? Он обещал мне фильм – я и карточку вот приготовил! – Роджер показал небольшой чип памяти. – Вот, блин! А как включить его терминал?

– Да он его не выключает. Подходи и скачивай.

– Можно, да? – обрадовался Роджер. – Ну вы ему скажите, что это я, он не обидится.

Роджер подскочил к терминалу, приложил чип к магнитоприемнику и начал быстро шуровать в папках, отбрасывая все ненужное и приговаривая:

– Ну где же он?.. Ну где же?.. Ну он же говорил, что здесь! Ну он же...

Наконец папка с документацией был найдена, и Роджер быстро слил ее на чип, потом забросил туда же пару фильмов, забрал чип и, благодарно кивнув коллегам, выскочил из отдела.

Роджер шел к себе и ликовал. Если Поль спросит, зачем заходил, он покажет копии фильмов, а если проследит по журналу, что скачана была и папка с документами, Роджер сошлется на рассеянность и скажет, что впопыхах смахнул папку случайно.

Спустя час он уже передавал Сиду чип, который пронес мимо службы безопасности, спрятав его в ботинке.

– Здесь все? – уточнил Сид, пряча карту в карман.

– Стрелковая секция, раздел спецоружия, как ты и просил.

– Ну хорошо.

Сид огляделся, проверяя, не смотрит ли кто в их сторону в этом немногочисленном сквере. В его работе случалось разное.

– Надеюсь, мы больше не увидимся? – спросил Роджер, испытующе глядя на шантажиста.

– Да, конечно. Больше к тебе никаких вопросов, – сказал Сид, отводя глаза в сторону. Он редко оставлял своих информаторов, а их у него были десятки. Сид вербовал их впрок, заводя карточки, систематизируя компромат и педантично внося в досье детали поведения и пристрастия. Таким образом, получая определенный заказ, он обладал целой палитрой возможностей – как, где и каким способом достать

нужную информацию.

Роджер ушел, а Сид зашел в небольшое кафе, вставил чип в коммуникатор и какое-то время просматривал добытый материал, убеждаясь, что получил то, что хотел. Потом позвонил заказчику.

По заболоченному лугу, расчерченному на клеточки ирригационными канавами, «сабурбай» бежал охотно, переваливаясь через старые воронки, больше похожие на небольшие озерца. Они остались здесь со времен войны пятилетней давности, когда еще сильный Барнурский союз всюду теснил на этой территории арконов, а Тардионский союз еще и не думал вступать в эту схватку. Но прошло время, Барнурский союз ослаб, а набравший силу Тардион сцепился с Арконом за приглянувшуюся ему территорию.

Со временем изменилась и тактика – массированные обстрелы из супергаубиц ушли в прошлое, напоминал о них только этот луг, испещренный огромными обмелевшими воронками, в которых теперь жили головастики, мало чего знающие об ужасах настоящей войны.

«Сабурбай» провалился в очередную яму, стал загребать колесами, а в его корме закрутился толкающий винт. Баркли добавил ему оборотов, и машина стала толчками продвигаться к другому берегу озерца.

Джек сидел рядом с водителем и баюкал на коленях винтовку «рапира». На заднем сиденье располагался капрал Подольский. Он хмуро смотрел куда-то в сторону.

Только что они поспорили с Баркли о важности боевых машин, и его «чино» обозвали «неповоротливым железным

ящиком». Подольский и сам считал свою машину тяжеловесной, но одно дело его собственное мнение и совсем другое – заявления какого-то задохлика. Тут Подольский имел в виду не самого Баркли, а его семитонного «грея», ведь по сравнению с двадцатью двумя тоннами «чино» он был просто цыпленком, а его пушка в пятьдесят шесть миллиметров – пугач по сравнению с двумя удлиненными орудиями в семьдесят миллиметров.

Когда «чино» давал прицельный дуплет, опрокинуться мог не только хваленый «гасс», но даже «сато».

Правда, за всю службу Подольский с «сато» ни разу не сталкивался. Да и не горел он таким желанием, ну его по-дальше. Хотя вот Джеку «посчастливилось» встретиться с этим гигантом в первом же учебном походе. Ему и Хиршу. То-то они побегали. Сколько Подольский их ни спрашивал – и одного и другого, они всякий раз рассказывали по-иному. Оно и понятно, хорошо хоть живыми ушли и умом не тронулись, тем более что встретился им даже не «сато», а «большой сато».

Луг закончился, и потянулся кустарник – высокий и частый, как молодой лес. Кусты были спутаны желтоватыми лианами, которые с треском лопались, обдавая машину липким соком. Пассажиров сверху прикрывала раскладная крыша, однако от тучи насекомых она спасти не могла, и всем троим приходилось отмахиваться от злого и голодного гнуса.

– Долго еще? – спросил Джек, которому уже надоело это

путешествие.

Капралы заманили его на рыбалку, уверяя, что в реке неподалеку водится большая рыба.

– Ты стрельнешь из своей пушки, и мы ее повару оттащим! – упрашивал его Подольский.

– Ага, а с нас потом курица! – вторил ему Баркли.

– Курица? – сразу оживился Джек. Он мечтал попробовать курицу в целом – не в разобранном виде, ведь паштеты в солдатской столовой ему уже попадались. У себя в тумбочке он хранил целую стопку собранных упаковок, где была нарисована курица в живом виде – с перьями и красным гребешком. Оставалось попробовать ее так, чтобы можно было различить белое и темное мясо. Джек уже знал, что оба этих мяса находятся на одной курице, а раньше думал, что это куры бывают такие разные – беломясые и темномясные.

Он даже в письмах к матери хвалился тем, что пробовал куриный паштет, и она вместе с ним порадовалась. А вот Баркли утверждал, что в курицах нет ничего необычного и только у Джека дома их считают чем-то необыкновенным, а в других местах курятина – обычная еда.

Джек с ним не спорил, но всерьез слова капрала не принимал. Тот был хорошим парнем, иногда мог беззлобно пошутить, однако оценить кулинарные качества и безупречную красоту курицы он не мог.

Скоро кусты закончились, и потянулись невысокие дюны, оставшиеся от прежнего русла реки. В рыхлом песке маши-

на стала буксовать, проехав метров двести, Баркли ее остановил.

– Дальше надо пешком, а то завязнем.

Неподалеку ударила пушка, и Джек с винтовкой выскочил из машины.

– Не ведись на провокацию, коллега, это вторая рота маневры устроила, – лениво сообщил Подольский, спрыгивая на песок.

– Но они там – дальше на восток – бегают, – добавил Баркли, показывая рукой.

– А до реки еще далеко?

– Метров триста, и мы, считай, уже на месте.

– Но там еще колючий кустарник типа ежевики, – напомнил Подольский.

– Да сколько там этого кустарника! – отмахнулся Баркли. – Давай помогу, Джек.

– Не нужно, я сам, – сказал Джек, закидывая ремень на плечо.

– Давай хоть коробки с патронами понесу.

– Ну понеси...

Джек снял с пояса сумку с двумя обоймами и передал Баркли.

– Ох ты, какие тяжелые! – удивился тот, перехватывая сумку поудобнее.

– Давай туда, – предложил Подольский, указывая на возвышавшееся вдалеке дерево. – Там самое глубокое место,

эту рыбину в прошлый раз мы там и видели. Так, Барк?

– Да вроде... – пожал плечами Баркли и зашагал вперед, загребая ногами влажный песок. Джек двинулся следом, поглядывая по сторонам и прислушиваясь к доносившимся откуда-то справа выстрелам из малокалиберных пушек.

– А вы уверены, что это рыба? – спросил он минут через пять.

– А что же еще? – удивился Баркли, оборачиваясь. – Здесь ничего туземного не осталось. Разве что этот песок...

– У меня дома рыбы никогда не бывало, мы ловили сапиг.

– Кого ловили? – переспросил Подольский.

– Ой, лучше ты его не спрашивай, он тебе про червей начнет рассказывать, как они их ловили и ели! – предупредил Баркли, который уже слышал истории Джека.

– Червей? – скривился Подольский. – Нет, про червей не надо. Я даже лягушек пробовать брезгую, а уж это...

Песок закончился, потянулись заросли невысокого, но очень жесткого кустарника с колючими выющимися ветвями. Кустарник рос на некогда заиленной поверхности, кое-где ботинки Джека утопали в грязи. Он с удовольствием вернулся бы назад, но оба капрала к компромиссам склонны не были и смело ломились сквозь заросли, ругаясь на колючки и стрелков второй роты, которые пару раз положили снаряды у самой реки.

– Совсем нюх потеряли! – обругал их Подольский.

– Может, хоть рыбу в реке поглушат, тогда нам останется

только собрать! – заметил Баркли, а Джек лишь пожал плечами. В рыбалке он почти ничего не смыслил.

Реку Джек увидел неожиданно. Шедший первым Баркли вдруг подался вправо, и стал виден поворот реки с небольшим рукавом, который охватывал заросший камышом песчаный остров. Вода в реке была зеленоватой у берега, а дальше, у поворота, казалась синей и, как показалось Джеку, очень холодной.

– Глубоко здесь? – спросил он, останавливаясь на краю обрыва.

– Прямо перед нами метров пять, может, чуть меньше, – сказал Баркли. – Но тут не везде так, в других местах значительно мельче.

– Вы проверяли, что ли?

– Как тут проверишь? Просто мы видели, как эта рыбина поверху шла и в мелких местах чуть приподнималась, что-то вроде плавника видно было.

– Точно! Вон оттуда шла и вон туда! – подтвердил Подольский, показывая пальцем во всех направлениях, так что Джек окончательно запутался, не понимая, с какой стороны ждать появления цели.

Далеко на обрывистом берегу показался «грей» второй роты. Остановившись, он ударил из пушки по какому-то приставшему к берегу бревну, отчего вода поднялась фонтаном и над всей рекой разнесся резкий звук выстрела.

– Эй, да они нам всю рыбалку испортят! – воскликнул Баркли.

– Сейчас я разберусь, – сказал Подольский и, сдернув с ремня рацию, стал вызывать коллег на открытой волне.

– Эй, «иволга» или кто там у вас?

– Чего надо? – ответили ему.

– Кто там из пушки по воде садит?

– Какая машина?

– «Грей»...

– Ну, я тут, – сквозь завесу помех отозвался другой голос. – Ты там ныряешь, что ли?

– Нет, мы чуть выше, но вообще-то ты представляешь для нас опасность.

– Опасность для вас представляет ихтиоформ! – радостно сообщил первый голос, и в эфире захихикало сразу несколько абонентов.

– Первая рота, наверное!

– А кто же еще сюда припрется? Только они – везде первые!

– Короче, хорош ржать! Смотри не накрой нас на берегу – мы возле дерева! – сказал Подольский и выключил рацию.

«Грей» с обрыва отсалютовал им пулеметами и снова выстрелил, отчего фонтан поднялся на середине реки.

– Что делают, придурки... – покачал головой Баркли. – Они нам всю рыбу распугают.

– А про каких там формов они говорили? – спросил Джек,

вставляя в винтовку обойму.

– Ихтиоформы. Нас ими уже полтора года пугают, все говорят – скоро арконы запустят ихтиоформы, так что будьте внимательны у водных преград.

– Это такие земноводные роботы, скорее всего автоматы, – пояснил Подольский и глянул вниз, столкнув в воду небольшой камень. – Они должны нападать из воды, проводить рейды и снова прятаться на глубину.

– А они большие? – спросил Джек, невольно косясь на темную воду.

– Не думаю. Не больше твоего «таргара».

– Понятно, – сказал Джек и посмотрел на шагающего по берегу «грея». До него еще было метров двести.

– Ну что, я готов. Как вы собирались действовать?

– Мы собирались действовать без придурков из второй роты, – пояснил Баркли и, приподняв кепи, почесал макушку. – Подождем, пока пройдет этот «грей», а потом...

– Эй, я там что-то увидел! – взволнованно произнес Подольский, нагибаясь над обрывом.

– Где? – спросил Баркли.

– Там внизу что-то прошло под водой и к середине реки двинулось...

– Какое по форме?

– Не знаю. Темное, вон даже вода разошлась.

Джек с Баркли стали внимательно следить за поверхностью реки.

– Это может быть от ямы возмущения, – сказал Джек.

– Как это? – не понял Баркли.

– Ну, вода попадает в яму и закручивается...

Не договорив, Джек замолчал. Теперь и он заметил какое-то движение, как будто большая сапига сделала выход к поверхности и снова ушла на дно. Да что там большая – гигантская!

Похоже, что пилот «грея» тоже увидел это. Машина остановилась, и ее пушка часто застучала, испарывая толщу воды бронебойными снарядами, а спустя мгновение с того места, которое обстреливал «грей», вспучивая воду, поднялось невиданное, похожее на гигантского краба чудовище. На одной из его «клешней» полыхнул огонь, и снаряд крупного калибра разорвал «грея» пополам. Его ходовая часть улетела прочь, а сорванный корпус скатился в реку и его понесло течением.

Джек сам не помнил, как упал на землю и подтянул к себе «рапиру». Потом приподнялся, чтобы взглянуть на чудовище и увидел огромный зрачок крупнокалиберного орудия. Сверкнула вспышка, стомиллиметровый снаряд ударил в обрыв и, пройдя под Джеком, выскочил из толщи земли и разорвался возле одинокого дерева.

Подхватив винтовку, Джек тотчас откатился в сторону, и следующий снаряд обрушил высокий берег, отчего поднялись грязные брызги и на Джека посыпались огромные комья земли вперемешку с корнями трав.

Джек инстинктивно закрыл собой винтовку, сохраняя хоть какую-то возможность сопротивления, однако он боялся, что сейчас противник возьмет поправку и выстрелит еще раз. Но выстрелы ударили издали: сначала один, потом грянул дуэлет «чино», и совсем рядом что-то взорвалось с такой силой, что ударная волна сорвала с прибрежных кустов листья.

За первым взрывом последовал еще один, послабее, и над рекой взметнулись куски брони и покореженная оснастка.

Джек не закрывал рот и старался дышать часто, чтобы не потерять слух. Он ждал новой канонады, но обстрела больше не было, и вскоре кто-то коснулся его плеча:

– Эй, Джек...

Джек обернулся. Комья земли скатились ему за шиворот, и плечи передернула судорога.

– Ты ранен? – встревожился Баркли.

– Нет, вроде... А где Подольский?

– Он в порядке, только слышит плохо. Там, под кустом, отлеживается.

Баркли показал куда-то за спину, где отсутствовала большая часть обрывистого берега и над водой висели обнажившиеся корни.

– Ты точно в порядке?

– Да, – кивнул Джек, приподнимаясь, и сел на взрыхленную землю.

– Тогда я пойду к Подольскому, что-то он снова свалил-

ся...

Джек посмотрел на солнце и улыбнулся. Он тоже слышал не очень хорошо, звуки приходили к нему какими-то сжатыми пакетами, как в кодировочной станции.

Ух-бух, ух-бух...

Что это такое? Может, показалось? Но нет, звуки сопровождались сотрясением земли и, покрутив головой, Джек увидел возвышавшегося на кустах «гасса».

– Эй, осторожно! – крикнул он и услышал свой голос в прежнем пакетном дроблении: эй-ост-рож-но...

– Эй, поосторожнее!

Это уже был Баркли. Он проведаль Подольского, вернулся к Джеку и теперь размахивал руками, показывая пилоту «гасса», что здесь люди.

Поначалу казалось, что пилот его не слышит и не видит, но это было не так – Джек знал, что даже у самых больших машин очень хорошие аудиофильтры.

Робот остановился, открылась толстая бронированная дверца, и выглянувший пилот крикнул:

– Раненые есть?!

– Нет, мы в порядке! – ответил появившийся Подольский и покачнулся.

Пилот захлопнул дверцу, развернул машину, и она зашагала прочь, подминая узловатые ветки колючего кустарника.

Джек поднялся на ноги и посмотрел на реку, с которой теперь поднимались клубы пара. Подойдя ближе к обрушен-

ному берегу, среди грязной, взбаламученной воды он увидел остов пораженной вражеской машины. Видимо, это и был ихтиоформ, робот на длинных, трехзвенных опорах с плоским, как тело краба, корпусом.

Сейчас в нем зияли две устрашающего вида пробоины, левый манипулятор был сорван, а правый – с основным орудием, уткнулся стволом в песок заросшего камышом острова.

– Это была такая горячая баба! – раздался голос капрала Подольского. – Она подбрасывала меня чуть ли не до потолка! Ощущения были такие, что...

– Ладно, Войтек, про баб позже, – сказал Баркли и, подмигнув Джеку, похлопал Подольского по плечу. – Позже расскажешь, а сейчас пойдем к машине.

– Нет, я хочу спуститься к воде и прополоскать рот! – потребовал Подольский каким-то не своим голосом и, соскочив на рыхлый обвал, заскользил к воде.

– Что это с ним? – спросил Джек, обмахивая с винтовки землю.

– Это от легкой контузии, – пояснил Баркли. – С ним уже было такое после «Машинерии». Про баб начинает рассказывать, про жарких, жестких, нежных и всяких прочих баб.

– Очень женщин любит?

– Не больше других, но вот контузия... Пойду за ним, а то как бы в воду не сиганул, дурак.

Тем временем на обрывистом берегу чуть ниже по течению собрались едва ли не все машины второй роты. Пилоты

выглядывали из кабин, однако спешиваться не торопились – в реке мог оказаться еще один ихтиоформ.

Скоро, подламывая кусты, подкатила танкетка с двумя механиками, а потом и эвакуатор. Он развернулся, с его платформы размотали трос, который потащил за собой один из механиков. Подстраховавшись спасательным жилетом, он смело вошел в воду и начал грести. Когда его стало сносить сильным течением, за ним, затаив дыхание, следили все, в том числе и Джек. Вскоре механику удалось встать на дно, он подтянул за собой трос и стал по мелководью осторожно приближаться к поверженной машине, то и дело приседая и заглядывая под завалившийся корпус.

Джек понимал механика, тот пытался выяснить, действительно ли перед ним автомат или это пилотируемая машина.

Наконец все разъяснилось, механик распрямылся и, подняв руку, кивнул. На берегу облегченно вздохнули – машина обездвижена и пилота в ней нет.

– Ты не представляешь, как она двигалась! Какой горячей она была на ощупь!

Джек даже вздрогнул от неожиданности. Он и не заметил, как Подольский, обманув Баркли, снова поднялся на берег и, подкравшись, продолжил прерванный рассказ.

– Ух ты, я и не заметил, как он сбежал! – крикнул снизу Баркли, с трудом взбираясь по осыпавшемуся грунту.

– Я отвлекся на это дело! – Он махнул в сторону механика, который крепил трос к подбитому роботу. – Отвлекся, а он

сбежал!

Проскочив мимо Джека, Баркли бросился ловить прыгнувшего в кусты Подольского. Джек посмотрел им вслед, забросил винтовку на плечо и начал спускаться к воде. Он уже заметил, что к берегу прибило какой-то предмет – что-то, как ему показалось, похожее на сапигу.

Тем временем механику удалось закрепить крюк, эвакуатор взревел двигателем, и лебедка стала наматывать трос. Джек краем глаза следил за этим действием и все ближе подходил к заинтересовавшему его предмету.

Да, это определенно был крупный червь!

Подойдя к воде и ухватив добычу, Джек потащил ее на берег, не переставая радоваться удаче. Она была огромной, не менее полутора метров в длину, но для червя выглядела немного странно. Впрочем, Джек и не особенно этому удивился, было бы глупо ожидать здесь точно таких сапиг, каких он ловил дома.

– Эй, парень, это наша рыба! Это мы ее добыли! – крикнул ему какой-то боец из второй роты. Джек посмотрел на него долгим взглядом, раздумывая, стоит ли снимать с плеча винтовку, но хватило и взгляда. Дерзкий боец отступил за спины роботов и вскоре исчез, а Джек снял с пояса тонкий шнурок, который держал для всякий неожиданных надобностей, захлестнул им свою добычу за тонкий конец и потащил вверх.

К этому моменту выбранный из воды трос натянулся, как

струна, и подбитый ихтиоформ тронулся с места. Как бы нехотя, он соскользнул на глубину, и на поверхности воды побежали разноцветные круги нефтяной пленки.

«Красиво», – подумал Джек, наблюдая, как солнце играет в масляной радуге. Он слышал, что это вредит природе, зато какая красота, какие замечательные чистые краски!

Неожиданно в мирное журчание воды и пощелкивание лебедки вклинился навязчивый и опасный звук. Едва заметив силуэт острых треугольных крыльев, Джек упал в рыхлый грунт и тотчас, словно наперегонки, застучали автоматические пушки полдюжины роботов, пресекая налет вражеского лаунчмодуля. Рванул боезапас, по воде ударили острые обломки, а затем и весь изувеченный корпус лаунчмодуля рухнул в воду, подняв над рекой непроницаемое облако пара.

Водитель эвакуатора даже не успел испугаться, и машина продолжала наматывать гудевший от напряжения трос. Вскоре из воды показались изувеченные члены автоматического организма, забитая песком пушка, развороченный ракетный блок и перебитая опора.

Потом появился корпус с расколотыми бронепластинами и зажатые в кожухи водонагнетатели.

«Важная машина», – подумал Джек, поднимаясь на последний уступ и снова оказываясь на самом верху.

– А кожа у нее – просто атлас! – произнес появившийся перед ним Подольский и нарисовал в воздухе соблазнительный силуэт, однако оставил эту тему и спросил:

– А чего это ты тащишь?

– Ё-моё, Джек, отличный сом! – воскликнул догнавший Подольского Баркли.

– Сом? – не понял Джек, глядя то на одного капрала, то на другого.

– Ясное дело – сом, – кивнул Подольский.

– Знатный сомяра! – повторил Баркли и посмотрел на Подольского: – У тебя все, капрал?

– Что «все»?

– Тебя отпустило?

– Что отпустило?

– Да вижу, что отпустило, – не стал вдаваться в подробности Баркли и, обойдя пришедшего в себя сослуживца, нагнул над сомом. – Где ты его взял?

– У берега. Только это не сом, это сапига.

– Забудь ты этих червей! – запротестовал Баркли. – Здесь нет этой вашей ботаники, здесь в реках водится нормальная рыба.

Джек снова взглянул на свою добычу, встряхнул ее и повторил:

– Это сапига.

– Ладно, называй как хочешь, – согласился Баркли и сплюнул скрипевший на зубах песок. Все трое выглядели так, будто их изрядно повозили в грязи.

– Пойдем, что ли?

– Пойдем, – согласился Подольский. – Мы же за рыбой ехали, чего еще надо?

– Ничего не надо, только вот земли пришлось нажраться. – Баркли снова сплюнул и пошел прочь.

На берегу взревел мотор эвакуатора, и все трое повернулись в его сторону – корпус ихтиоформа, с безвольно повисшими опорами и манипуляторами, медленно вползал на платформу.

– Выходит мы, Барк, те два раза видели ихтиоформа, а не огромную рыбу, правильно? – предположил Подольский.

– Получается, так.

– А ведь он по нам запросто мог из орудия ударить.

– А на кой ему? Из орудия, да по двум дуракам, которые рыбу от робота не отличают, – с неожиданным отчаянием произнес Барк. Он шагнул к ближайшему кусту и, сломав подходящую ветку, сказал:

– Вот, Джек, это кукан, чтобы тебе за хвост не держаться.

– Кукан? – повторил Джек, с недоумением глядя на ветку.

– Смотри сюда.

Баркли ловко поддел конец ветки сому под жабры, протаскивал через рот и подал Джеку.

– Теперь тащи трофей со всем удобством.

– Здорово, – сказал Джек, проверив, как держится на кукане его добыча. Держалась она хорошо, и он впервые усомнился, что поймал сапигу, иначе откуда Баркли мог знать, как подцепить ее на ветку?

После обильных возлияний накануне подниматься утром было очень трудно, как ни старался и ни орал будильник.

Би-би, би-би-би! За три года ничего нового. Эти жуткие звуки, это жуткое утро, это ощущение мерзости во всем теле. А ведь Эрике уже тридцать четыре года, казалось бы, должна знать свою норму. И она знала. Пара рюмок «марди-гра», пара – виноградной водки, потом еще бокал черного пива и... пожалуй, хватит, все же ей тридцать четыре, а не двадцать два, когда можно было пить, пока не увидишь вблизи заплыванный пол и чужие башмаки.

Но вчера все пошло как-то не так. Наперекосяк пошло, иначе не скажешь.

Две рюмки «марди-гра» – это точно было, она хорошо их запомнила, потом виноградная водка – не больше двух рюмок с ягодкой. Тоже было. Затем бокал черного пива, а потом, потом она не пошла домой, потому что кто-то ее угощал. И снова пара «марди-гра», виноградной водки, опять «марди-гра»... Больше она ничего не помнила и, открыв глаза, обнаружила, что находится дома.

Уже неплохо, но сегодня был рабочий день, пусть и не полный – «день отчетов» – и ее собственный отчет был готов и даже распечатан. Он находился в офисе, а туда еще нужно было как-то добраться.

Эрика с трудом повернулась на бок и увидела, что на столе – возле окна – лежат мужские брюки и трусы! У нее этой ночью был мужик!

Эрика удивленно заморгала. Да, случилось она притаскивала из бара какого-нибудь пьяненького, но утром эти «эльфы» испарялись задолго до ее пробуждения. Обычно они исчезали бесследно, но иногда оставляли записки – эти были самые воспитанные, считавшие, что совместная ночевка к чему-то там обязывает. Но тут была одежда! Не мог же вчерашний «эльф» сбежать голым?

Эрика села и огляделась – да, видимо, ночью они тут порезвились. Постель была сбита в ком, а возле тумбочки валялись рассыпанные противозачаточные пилюли.

Еще не придя ни к каким выводам, Эрика вдруг услышала шаги, затем дверь в спальню открылась и появился – он, принц из сказки в дежурном халате Эрики.

– Дорогая, ты говорила, что тебе к десяти в офис, и я встал пораньше, чтобы приготовить завтрак...

Эрика хлопала приклеенными ресницами и не могла поверить увиденному: стройный шатен ростом под метр восемьдесят широко улыбался ей, как лучшей из женщин, и держал в руках поднос с чем-то съестным и небольшой вазочкой с пластмассовым цветком с ее холодильника.

Ах, как это было приятно! Хотя Эрика, конечно, понимала, что здесь таился подвох, как-никак ей было тридцать четыре года.

– Что ты принес мне, Крис? – спросила она хрипло, решив, что сама даст этому красавчику имя.

– Я принес тебе томатный сок с виски, перцем и солью, а еще – горячий омлет с кислой сметаной.

– Просто атас какой-то... – покачала головой Эрика, замечая, как раскачивается вместе с ней все окружающее пространство. – Давай начнем с томатного сока...

После сока с виски она заметно взбодрилась, и омлет прошел «на ура», а потом «Крис» сказал ей: «Дорогая, у меня для тебя сюрприз» и, совершенно трезвый, занялся с ней сексом!

Такого с Эрикой не бывало уже лет десять.

После акта любви она пошла в ванную, чтобы принять душ, а потом даже рассматривала себя в запотевшем зеркале, прикидывая, на что тут можно было польститься. Получалось, что не на что. Те же двадцать кило лишнего веса, так же глупая тату с какими-то адресами, она уже и забыла чьими. Нет, определенно этому «Крису» от нее что-то требовалось. Но что? Она работала в унылой частной конторе по учету кадров – ничего особенного, столько-то прибыло, столько-то убыло по ранению, столько-то выбыло насовсем. А этот парень во всем с ней соглашался и даже не протестовал против «Криса», хотя звали его как-то иначе. Эрика не могла вспомнить, как именно, но точно не Крис.

– Я позвоню тебе вечером, хорошо? – спросил он, останавливаясь у двери. Белоснежная улыбка в тридцать два зу-

ба, стильное пальто и небрежно накинутое клетчатое кашне.
Кинозвезда, да и только.

– Позвони, – кивнула Эрика, запахиваясь в халат. Кино,
форменное кино.

Дорога на работу пролетела как во сне, Эрика беспрерывно думала об этом неожиданном знакомстве. Да, про ночь она ничего не помнила, но утро – было еще и утро!

В офисе заметили в ней какую-то перемену, и Джошуа из бухгалтерии сказал, что она вся сияет, а замначальника отдела спросил: «Не под коксом ли ты, голубушка»? Но не заржал, как обычно, а даже извинился и предложил пройти с докладом в его очередь.

– А то, знаешь ли, брюхо разболелось. Я вчера каких-то крабов сожрал несвежих... А может, и не крабов...

Коллега и штатная подруга Беверли, внимательно приглядевшись к Эрике, поинтересовалась, давно ли она взвешивалась. Но это Эрику не обидело: уж если Беверли пытается ее поддеть, значит, она действительно выглядит хорошо. По крайней мере лучше, чем обычно.

– Тебе нужно перестать столько есть, Эрика... – продолжала надоедать Беверли, выкладывая на свой стол шоколад.

– Тебе тоже.

– Я люблю только сладкое, а ты жрешь все подряд. Эти твои бутерброды с паштетом, Эрика! Это ужас!

И Беверли покачала головой, закатывая глаза.

А что было ужасного в этих бутербродах? Нормальные бутерброды – батон, банка паштета и полбанки каперсов. Эри-

ка ела их ночью, когда плохо спалось. Да, она понимала, что бутерброды делают ее фигуру, мягко говоря, нестандартной, и чтобы подцепить парня, ей приходилось выбирать едва ли не самого пьяного в заведении. Но даже ради такого «сокровища» следовало постараться: сделать прическу, принарядиться и затянуться в этот долбаный корсет! А с бутербродом ничего этого делать было не нужно. Хлеб, паштет и огурцы – вот те друзья, которые ее не подводили. Всегда ожидаемый эффект, если потом не становиться на весы. Но это ведь совсем не обязательно.

Отчет прошел хорошо, Эрика вернулась к своему столу и принялась разгребать текучку, в то время как Беверли доела вторую шоколадку и сосредоточенно думала о том, как раскрутить подругу на рассказ. Она видела, что у Эрики произошли какие-то перемены, и ей аж до боли в копчике хотелось подробностей.

В обеденный перерыв Эрика раскрыла ей кое-какие тайны, но не все. Сказала, что было, как всегда, и ничего более. Про то, что Крис красавец, про его клетчатое кашне и завтрак в постель не сказала ни слова, а уж тем более про утренний секс.

Эрика хорошо знала Беверли и представляла, что выдержит ее бабская психика, а чего нет.

– Он тебе позвонит? – спросила Беверли, замирая с растаявшей шоколадкой в руке.

– Вряд ли, – пожала плечами Эрика. Ей было приятно,

что на самом деле она не знает – позвонит или нет. А он позвонил в половине шестого, когда Эрика уже спускалась с Беверли к выходу, как знал, что она заканчивает в это время.

– Привет, милая!

– Привет, – ответила Эрика, вся расплываясь от теплого счастья, и Беверли сразу все поняла.

– Я заказал столик в «Лондольере». Знаешь, где это?

– Ну... – Эрика пожала плечами и машинально поправила челку. Ей хотелось быть загадочной и обворожительной. – Ну, типа, видела, на Солее...

– Ты можешь взять такси?

– Да легко!

– Ну, тогда я встречаю тебя у входа. Разумеется, такси за мой счет, ты позволишь мне оплатить его?

– Да легко!

– Жду, милая!

Увлечшись разговором, Эрика едва не врезалась в большое зеркало внизу в вестибюле.

– Не, ну ты вообще... – покачала головой Беверли, которая слышала половину разговора. – Где ты его подцепила?

– В «Шервуде»... Вроде...

– Вроде?! – воскликнула Беверли и с чувством приложила кулаком парадную дверь. – Ничего себе «вроде»! Чтобы непременно потом рассказала, как да чего! Я тогда, может, на книжном сериале сэкономлю, а то они, козлы, уже по десять ливров за книжку требуют!

– Ладно, – пожала плечами Эрика и снова поправила челку.

Крис ожидал ее с огромным букетом красных роз, но, увидев их, Эрика загрустила, все же ей было тридцать четыре и она понимала, что к чему.

Он подбежал к такси, не глядя сунул водителю крупную купюру и, отмахнувшись от сдачи, протянул букет Эрике.

– Это тебе, милая.

– Спасибо, Крис, – ответила Эрика и понюхала прекрасные розы, но они не имели запаха.

Играя роль влюбленной пары, они вошли в ресторан, и распорядитель провел их в укромный уголок к заказанному столику. За ними следовал официант, неся тяжелый букет, который сразу поставил в вазу.

Тонкий фарфор, столовое серебро, льняная скатерть. Эрика провела по ее поверхности рукой и улыбнулась.

– Тебе нравится? – спросил Крис.

– Да, здесь красиво...

– Что будем заказывать? Из дополнительного, я имею в виду... Основные блюда я уже заказал на свой страх и риск. Ничего?

Он улыбнулся ей, склоняя голову набок, и Эрика подумала, что жаль терять такого красавца, но она была реалисткой, как-никак – тридцать четыре года.

– Нормально. Так даже лучше, – сказала Эрика и положи-

ла на соседний стул сумочку.

– Как прошел рабочий день, ведь ты работаешь? – спросил он.

– Да, работаю.

– Хорошая работа?

Подошел официант, расставил блюда и быстро исчез, а откуда-то из другого зала стала доноситься приглушенная музыка.

– И что, хорошая работа? – с легким нажимом повторил свой вопрос Крис.

– Офис, – пожала плечами Эрика.

– Офис офису рознь. Я тоже занимаюсь примерно тем же, что и ты: бумажки, письма, разговоры с клиентами. Иногда задают такую нагрузку, что голова идет кругом, но при этом... – тут Крис подмигнул Эрике, – подбрасывают хорошие бонусы. Как у вас с бонусами?

– Не очень.

– А у нас хорошо, если, конечно, дела идут.

– Это баранина? – наобум спросила Эрика, ткнув вилкой в мясо.

– Телятина... Ты ешь телятину?

– Да, ем, – кивнула Эрика и посмотрела на Криса. Она уже решила, что потребует от него еще одно свидание.

– М-да, хорошо вот так сидеть в ресторане, но немного гнетет тот факт, что я недоделал сегодняшнюю работу, – признался Крис и снова подмигнул Эрике, как будто они за-

говорщики.

– Не следовало из-за меня бросать работу, – вынуждена была сказать Эрика.

– Что ты, я не сомневался ни минуты, дорогая... По крайней мере на тот момент.

Крис принялся жевать телятину, глаза его поскучнели.

– А что у тебя за проблема? Может, я могу чем-то помочь? – спросила Эрика, глядя в свою тарелку.

Крис перестал жевать и с беспокойством взглянул на Эрику, потом все же проглотил телятину и сказал:

– Вряд ли это возможно, дорогая. Мне нужны кое-какие статистические данные. Пустяк, но из-за них не двигается работа. А где ты служишь?

– Компания «Бранлина», отдел учета.

– Вы занимаетесь...

– Личным составом одного промышленного союза.

– Промышленного союза? – повторил Крис, как будто впервые произнося это словосочетание. – Как он называется?

– Тардионский союз...

– Не может быть! – воскликнул Крис с деланным удивлением и бросил вилку на стол. – Этого не может быть, дорогая, – такое удачное совпадение!

– О да, – кивнула Эрика и вздохнула. Ну хоть какая-то ясность.

– Может быть, шампанского?

– Давай.

– Будьте добры бутылочку шампанского! – крикнул Крис официанту и, повернувшись к Эрике, спросил: – А ты правда можешь добыть эту информацию?

– Какую?

– Да списочек небольшой...

– Добуду, но с одним условием.

– Каким?

– Еще одно свидание по полной программе.

– Как скажешь, дорогая.

Пришел официант и начал разливать шампанское, а Крис незаметно положил в рот пилюлю. Действовать она начинала часа через два и делала из мужчины суперлюбовника, даже для такой женщины, как Эрика.

Крис поднял бокал и через силу улыбнулся. Еще одна ночь, и он свободен, абсолютно свободен. Скорее бы это закончилось. Скорее бы.

На другой день он встречался с заказчиком возле остановки телетрона. Вагоны проходили, постукивая на стыках, и он какое-то время ждал, переминаясь с ноги на ногу и подавляя зевки. Поспать ему почти не удалось, сначала ублажал Эрику, а потом переживал – выполнит ли она свою часть договора. Но она выполнила.

Наконец появился этот неприятный парень с вставными зубами, в одном из которых сверкал маленький бриллиант. Можно было не сомневаться, что этому субъекту не раз приходилось бывать за решеткой.

– Принес? – спросил он, останавливаясь рядом и даже не глядя на Криса.

– Да. Вот...

– А почему на бумаге? – скривился заказчик и стал перелистывать документы.

– У нее спроси, – буркнул Крис.

– Я у тебя сейчас спрошу! – оскалился заказчик и сделал вид, что замахивается. Крис поспешно отступил, он уже знал, что с этим человеком лучше не шутить. Бил он очень больно.

Заказчик просмотрел документы и как будто остался ими доволен.

– Ну так что, я покрыл свой долг? – спросил Крис, загля-

дывая ему в глаза.

– И как ты эту колоду трахал и не сблеванул? – спросил тот, ухмыляясь.

– Я принимал «тетрапан», – признался Крис.

– Ясно, – кивнул заказчик. – Ладно, фраер, можешь гулять. Пять тысяч косых тебе зачтено. Но на будущее знай – игорные долги нужно платить вовремя, иначе... Ну ты понял.

И они расстались. А еще через пару часов копии документов легли на стол военного чиновника с капитанскими погонами.

– Что это? – спросил тот, поднимая глаза на лейтенанта.

– Информация по запросу «двадцать шесть – пятьсот тринадцать – бэ-эн-ка-эс».

– Ну и что это значит, Гровер? Ты же знаешь, я терпеть не могу этой абракадабры!

– Это литерный запрос, сэр. Мы отправили его всего четыре дня назад, вот агентура постаралась – так быстро редко получается.

– Да, редко, – согласился капитан и, с неохотой придвинув к себе бумаги, стал читать сопроводительный документ. – Между прочим, Гровер, майор Кандори сказал, что пристрелит тебя, если еще раз увидит рядом со своей женой.

– Я только помог ей положить сумку в багажник автомобиля, – пожал плечами лейтенант.

– Я лишь передаю тебе, что сказал майор. А ведь он еще

не знает, что ты помогал его жене устанавливать шкаф...

Лейтенант откашлялся, как будто собирался произнести речь.

– Сэр, я прошу вас... Не говорите ему об этом...

– Это не мое дело, Гровер, что вы там с этим шкафом делали. А вот этот Стентон меня заинтересовал.

– Кто, простите?

– Джек Стентон, из-за которого командование фронта четырнадцатого сектора затеяло эти скачки.

– А что там? – спросил лейтенант.

– Да проблемы им создает этот парень. Проводит, понимаешь, спецоперации, калечит технику.

– Офицер?

– В том-то и дело, что молокосос какой-то.

– Молокосос калечит технику?

– Ну, это я в смысле возраста. Но подготовлен хорошо.

Винтовку ему вон какую выписали...

– Какую?

– Диверсионный комплекс «рапира», почти десять тысяч ливров.

– Его убьют?

– Если получится. Ладно, отправляй информацию, и пусть работают. Небось им сейчас нелегко.

Вечером обещали дождь, но как-то обошлось, и Джек вместе со всеми свободными пилотами роты отправился на пустырь за пределами городка, где иногда садились латаные-перелатанные транспортные вертолеты.

За последние полгода ситуация и тактика в войне заметно изменились. Арконы развернули орбитальную группировку, добавили наземной штурмовой авиации, и находиться в относительной близости от противника стало небезопасно, поэтому тардионы стали чаще использовать десантные операции, забрасывая взводы, роты и целые батальоны для проведения стремительных штурмовых ударов и такого же быстрого отхода. Однако для этого требовался немалый парк тяжелой десантной техники. В основном это были «даблстрикеры», поднимавшие груз в сотню тонн, но из-за своих размеров они являлись заметными целями и появляться в небе днем им было совсем не безопасно. Их жгли все подряд, от стритлаунчеров до штурмовиков «джорджо» – собственной разработки Арконского союза, поэтому все десантные операции переместились на ночное время, а борта «даблов» покрылись свежими заплатками, поскольку эти гиганты не имели бронирования.

В половине первого ночи один такой гигант сел на пустырь, грохоча турбинами и накрывая всех встречавших пес-

чаной бурей. Мелкие камешки барабанили по броне роботов, а люди опускали козырьки, чтобы переждать этот шквал, пока двигатели транспорта не сбросят обороты.

Когда ветер утих, на рампе загорелись прожекторы и трюмные створки разошлись, открывая огромное пространство грузового модуля.

Джеку уже не раз приходилось путешествовать на таких гигантах – и одному, и со своим «таргаром», но он никак не мог привыкнуть к этому неожиданно большому пространству внутри машины, и всякий раз в момент раскрытия створок у него начинало сосать под ложечкой, и он чувствовал что-то вроде головокружения.

Потом, когда звучали команды, когда начинали движение тяжелые машины, он приходил в себя. Но эта первая минута всякий раз была для него полным откровением, как будто все происходило в первый раз.

Времени было мало, и подготовленные к отправке роботы быстро прошагали в трюм.

Створки закрылись, закрутились винты и, взметая тучи песка, транспорт медленно ушел в небо.

Провожающие сразу пошли в городок, лишь капитан Хольмер еще долго стоял, глядя вслед транспорту, но потом тоже пошел обратно, бормоча что-то под нос.

Джек тоже не спешил в казарму и услышал, о чем бормочет Хольмер.

– Ну зачем я его послал? – терзался капитан, качая голо-

вой. – Зачем, Хольмер? Зачем, придурок ты старый?

– Вы не придурок, сэр! – заявил Джек, появляясь из темноты.

– Стентон?

– Я, сэр.

– Что ты здесь делаешь?

– Возвращаюсь в казарму.

– Ну и возвращающийся себе. Или ты подслушиваешь?

Капитан надеялся смутить бойца, но Джек был не таков.

– Сэр, я подумал, что лучше подслушать и оказать вам посильную помощь.

– Стентон!..

– Да, сэр!

– Ты меня совсем за старое помело держишь?

– Не понял, сэр.

Хольмер вздохнул. Он уже хорошо знал Джека и понимал, что обычные заготовки вроде «пошел в задницу» или «не твоего ума дела» здесь не годились. Стентон этого совсем не понимал.

– Переживаю я за лейтенанта, – признался капитан.

– Сэр, он справится. Ему это задание очень нужно, чтобы прийти в норму.

– Да? А если он под эту норму весь взвод положит? Четыре машины с пилотами!

– Но с ним Папа Рико.

– В том-то и дело, я его вроде как для усиления поставил,

а теперь жалею. Что, если Хирш их всех положит? Совсем без комвзводов останемся!

– Не положит, сэр. Болезнь у него в голове, а мастерство в руках.

Какое-то время они шли молча, капитан Хольмер взвешивал слова Джека.

– А может, ты и прав, ведь действительно мастерство – оно в руках...

– Во сколько у них атака?

– Как доберутся, так и атакуют. От предполагаемого места высадки до базы арконов четыре километра. Перед высадкой зенитные позиции обработают стритмодули. По крайней мере, так было задумано, – добавил капитан и вздохнул.

Джек его понимал, часто при таких сложных операциях кто-то куда-то не успевал, ведь тем же стритмодулям для удара следовало преодолеть пару сотен километров.

Примерно в половине шестого утра дверь в кубрик Джека распахнулась и кто-то бесцеремонно включил верхний свет, отчего в комнате сразу стало неуютно.

– Что? Кто это? – хрипло спросил Джек, приподнимаясь, и увидел лейтенанта Хирша, в прожженном комбинезоне, но с улыбкой на лице.

– Стентон, почему спим?

– Потому что рано, сэр, подъем у нас в семь, если вы не забыли...

– Как ты разговариваешь с командиром взвода?! Ну-ка встал, упал и отжался! Пятьдесят раз... Хотя нет, прошлый раз ты выиграл спор на шестидесяти. Семьдесят раз – встал и отжался!

– Да что случилось-то? Вы просадили свой «грей»? – спросил Джек, спуская босые ноги на пол.

– Нет, – отмахнулся лейтенант и, шагнув к столу, сел на казавшийся детским для него стул. – Моя машина в порядке, но два «гасса» и «чино» продырявлены основательно.

– Потери? – быстро спросил Джек.

– Сид Хардин ранен, а Стретфорду – земляку Рыбака повезло, хотя чуть ракетой пополам не разорвало.

– Так они, что, совсем плохи?

– Ну, месяц на простынку гадить будут, это точно, – лей-

тенант вздохнул и взъерошил обгоревшие волосы.

– А почему вы в таком виде, сэр, если «грей» уцелел?

– Стретфорда в кабине зажало, пришлось выскакивать и по песку, блин, как цапля между снарядами прыгать. Но успел, сумел как-то выдернуть его... Хорошо Папа Рико в форме был, два залпа – и оба точных, от бетонных закладок только башни остались. Помог он здорово, а то бы нас там зажарили.

– Термобарами сыпали?

– Да уж...

Джек вздохнул – сна как не бывало. Термобары жгли металл, словно бумагу, правда, использовали их только с близкого расстояния и часто прямо из окопчиков. Но могли и с позиций накидывать, вот как у лейтенанта получилось.

– Как же вам удалось уйти?

– Ну я же сказал – Папа Рико хорошо отработал, у его «гасса» чуть пушка не расплавилась, как он садил налево и направо. Придется ему проставиться.

– Придется, – кивнул Джек.

Для него после «Машинерии» тоже проставлялись, но, поскольку он пил немного, то отпил у каждого из проставлявшихся по символическому глотку. Это была лучшая награда, отражавшая доверие боевых товарищей.

– Ну, а по делу что-то получилось? – спросил Джек.

– Да ни хрена!.. Ждали нас.

– Как, ждали?

- А так! – воскликнул лейтенант и хлопнул по столу. – Сдали нас, Стентон! Предала нас какая-то сука из своих!
- Да ну? – не поверил Джек.
- Точно тебе говорю, – понизив голос, проговорил лейтенант и посмотрел на свои часы. – Через полчаса Джо на эвакуаторе подкатить должен.
- Джо? Он же здесь оставался.
- Оставался, но потом мы его вызвали – туда на вертолете, а обратно на эвакуаторе из танкового полка. У них эвакуаторы посolidней нашего будут – «гасса» и «чино» разом на спину закинул и попер.
- И как он успеет, далеко ведь?
- Далеко, – согласился Хирш и снова взглянул на часы. – Вот полночи и шаршил не останавливаясь.
- Ничего себе.
- Ну не бросать же свои машины на чужом поле?
- Это – да, – согласился Джек. – Печенья хотите, сэр?
- Печенья? Хочу. А у тебя есть?
- Есть. Овсяное. И молоко в холодильнике.
- Вот так фокус! А откуда у тебя?
- Хотел вас как-нибудь угостить, да все случай не подворачивался, – признался Джек, натягивая штаны.
- Ладно врать-то, – отмахнулся лейтенант и полез в холодильник. Джек спорить не стал. Он действительно купил печенье, чтобы угостить лейтенанта, поскольку очень жалел этого человека, заболевшего после ранения странной нерв-

ной болезнью, сделавшей из него мнительного старика.

Каково было видеть такое, ведь он знал лейтенанта Хирша как строгого и требовательного офицера, пилота со стальными нервами.

Жалко его было, очень жалко.

– Не, ну ты меня просто обрадовал! – сказал лейтенант, возвращаясь за стол с пакетом молока и двумя пачками печенья «Овсяное традиционное».

– А где ваша трость, сэр? – спросил Джек.

– Костыль? Да я его потерял где-то, должно быть, когда выскакивал из кабины. Да он мне и не нужен больше, я уже почти не хромаю.

Хирш налил в стакан молоко и положил в него три печенья – на размачивание. Это был его любимый способ, освоенный в раннем детстве.

– Видимо, излечился, когда по песку цаплей вытанцовывал, а осколки, знаешь, по штанинам так – шелк-шелк, но я не боялся, я понимал, что это не их день, а вот когда термобары полетели – ужаснулся в полной мере. Рванул метрах в трех от меня, и всего прямо как сухим паром обожгло. Думал, сгорю! Но все ограничилось порчей штанов.

Лейтенант сунул палец в прогоревшую дыру в комбинезоне и вывернул ее обуглившиеся края.

– Совсем новый комбез был, я его у скобаря за полпузыря горькой выменял... Пропала одежда!

Джек успел умыться и одеться, а лейтенант съесть полторы пачки печенья, когда со стороны парка донесся грохот гусениц эвакуатора, позаимствованного в танковом полку.

– Ну вот, Джо прибыл! – произнес лейтенант, поднимаясь из-за стола и засовывая в прогоревшие карманы оставшееся печенье. – Ты идешь?

– Конечно! – сказал Джек.

Они вышли в коридор и увидели там Папу Рико. Джек поразился тому, насколько измученным тот выглядел, хотя его комбинезон, в отличие от одежды Хирша, был в полном порядке.

Все вместе они вышли из казармы и поспешили в техпарк, над которым поднимались облака черного дыма из выхлопной трубы эвакуатора. Машина сердито рычала, маневрируя на тесном для нее дворе, чтобы сгрузить туши поврежденных роботов.

И хотя Джек знал, что обошлось без потерь, он бежал за прихрамывающим лейтенантом, сильно волнуясь.

Но ничего такого, чего бы он еще не видел, в техпарке не было. Огромный, по здешним меркам, эвакуатор развернулся и подставил груз под выносные двутавры кран-балок. С них спустились кованые крюки, которыми механики подцепили подбитые машины и утащили в темные пасти распах-

нутых ворот.

– Чего собрались? – недовольным голосом поинтересовался старшина Тильгаузен. Он кутался в клетчатое одеяло и широко зевал.

– Не думал, Берт, что увижу тебя здесь так рано, – сказал Хирш.

– И я не думал, Тедди, встретить тебя в это время, – в тон ему ответил главный механик. – Крепко поджарили?

– Не то слово. Сдали нас. Как есть сдали – с потрохами.

– Это плохо, – кивнул Тильгаузен. – Папа Рико, антенну на твоём «гассе» сменим уже к вечеру, так что иди спи.

– Спасибо, Берт, – сказал Папа Рико и, повернувшись, побрел к выходу из парка.

– А что с другими машинами, когда они будут готовы? – спросил Хирш.

– Ну ты и спросил... Ты видел, в каком они состоянии? Дай мне сначала доспать и проснуться утром, а не среди ночи.

– Уже рассвет, – возразил Хирш.

– Тедди, какой рассвет? Я просыпаюсь в восемь часов – это мой персональный режим.

Тильгаузен взмахнул краями одеяла и, закутавшись, стал похож на нахохлившуюся птицу, какую-нибудь там сову или даже курицу. Джек вздохнул и представил себе курятник – белый домик из покрашенных грубых досок. Он продолжал собирать информацию о курицах и теперь уже знал, что эти

удивительные птицы жили не только на птичьих фермах, но даже в курятниках.

– Это такие птичьи фермы, только маленькие, – объяснял ему капрал Баркли, который лично видел курятник два раза.

– Мы с родителями каждый год ездили на море и проезжали через одну и ту же деревню, – рассказывал он. – И пару раз останавливались возле дома одной старушки. Она продавала нам молоко от коровы и яйца от курицы, а потом мы с сестрой ходили по ее двору и старушка показывала нам курятник.

– А куры, они были там? Ты видел их? – перебивал капрала Джек.

– Нет, мы проезжали эту деревню вечером, и старушка говорила, что куры уже спят.

Услышав собственное имя, Джек вздрогнул и закрутил головой.

– Ты чего пришел, Джек? С твоим «таргаром» вроде все в порядке...

– Да я вот – с командиром. – Джек кивнул на Хирша.

– А-а, ну это понятно. А ты, Тедди, где свой костылик посеял?

– Он мне больше не нужен. Я теперь здоров и почти не хромаю.

– Бывает, – согласился Берт, подавляя зевок. – Так чего ты хочешь от меня услышать?

– Как с машинами? Когда начнут бегать?

– Но ведь твои ребята в госпитале, я правильно понял? Мне сказали – одному ребра переломало, другого термобаром обожгло, а это, если выжил, два месяца минимум...

– Чего ты меня пугаешь? – начал раздражаться Хирш. – Знаю я, все знаю, но во взводе возможны замены. Может, нам новичков пришлют?

– Как же, разбежались вам новичков присылать. Вы их не бережете...

Хирш посмотрел на Джека, но тот даже не шелохнулся, дескать, к этой провокации он не имеет никакого отношения.

– Короче, механик! Что по делу?

– А по делу... «гассу» кабина вся под замену, даже латку нельзя поставить – основание перебило бронебойным...

– Сто миллиметров, – вздохнул Хирш.

– Вот именно. А «чино» всю ходовую менять нужно, термобар ее начисто выжег.

– А снаружи как новенький, – заметил лейтенант.

– Да, как новенький, но тросы и гидравлика – в пыль. Так что две недели на «чино», это без вопросов. А вот корпус останется, залатаем корпус.

– Значит, на все две недели?

– Две недели.

– Ладно, пойдем мы.

– Идите уже, – махнул рукой главный механик. – Покою от вас нет, так и вьетесь перед мордой, как гнус какой-нибудь.

Лейтенант подмигнул Джеку, и они направились к выходу.

– Ты видел, в каком он виде приперся? – спросил Хирш.

– А вы, сэр, чего ожидали?

– Да ничего, – пожал плечами Хирш, а Джек отметил, что лейтенант действительно почти излечился от хромоты. – Я вообще удивился, что он там оказался в это время.

– Берт за свое дело болеет, – сказал Джек.

– Это точно, – согласился Хирш. – Иногда наорешь на него, а потом стыдно становится.

– Да, – улыбнулся Джек. Он и сам, бывало, терял голову, когда его покалеченного «таргара» волоком доставляли на ремонт.

– Кстати, насчет трофея, который в парке валяется... Ты заметил, как у этого ихтиоформа ходовая устроена?

– Закрытая гидравлика?

– Ну да. Я поначалу никак не мог разобраться, думал, как это они масло в контур смазки подают?

– А все дело в компенсаторах.

– Вот именно. Так сразу и не догадаешься.

До подъема еще оставалось время, и Джек вернулся в кубрик, чтобы подремать, однако под столом заскрипел сверчок – и дремы как не бывало.

Джек давно охотился за этим насекомым, но сверчок хорошо маскировался и прекращал свои трели, едва Джек выходил на поиски.

По коридору прошаркал сержант-хозяйственник. Он поднимался раньше всех – не любил, когда в умывальнике толпятся.

Джек встал и подошел к окну – край солнца уже поднимался над горизонтом, а на крыше казармы, пока несмело, зачирикали воробьи.

Вернувшись к шкафу, Джек поправил постер с изображением двух куриц и петуха. Этот подарок сделал ему один пилот из второй роты. Узнав, что Джек «куриный фанат», он купил ему в городе этот постер.

– Я раньше в университете учился, – пояснил он. – На орнитолога...

– А что это такое?

– Специалист по птицам. Но недоучился. А тут узнал от Сэмми, что ты по курам фанатеешь, ну и захотелось подарить тебе что-то такое. Я ведь тоже люблю птиц, особенно канареек – с них и начинал.

– Да я птиц... не особенно люблю... В смысле – не всех, – ответил Джек, погладив глянцевый постер. – А вот куры – да, их просто обожаю. Ты ел их когда-нибудь? Чем отличается темное мясо от белого?

Не придумав, на что потратить оставшиеся до подъема минуты, Джек вышел из кубрика и отправился в столовую. «Ранних пташек» там не приветствовали, но можно было, попивая чаек, подождать, пока придет вся рота, и тогда получить свой завтрак.

Над городком лениво проплывал сторожевой айрбот. На высоте двухсот метров его двигателей слышно не было, и он казался легким облаком, которое несло попутным ветром. Однако в айрботе имелась разведывательная аппаратура весом сто килограммов и еще пулемет с дальностью стрельбы четыре тысячи метров.

Аппарат сутками кружил в небе, присматривая за пограничными зонами, и сообщал о перемещениях неопознанных объектов, а в случае отдачи приказа наводил на цель ракеты, снаряды или сам стрелял из пулемета.

Однажды Джек стал свидетелем того, как айрбот обстреливал невидимую вдалеке цель, как оказалось впоследствии – снайперский модуль. Его пулемету такая задача оказалась не по зубам, но стритмодули слетали на место и уничтожили цель ракетами. Тогдашние действия айрбота произвели на Джека хорошее впечатление, и впоследствии он чувствовал себя значительно спокойнее в присутствии этих неторопли-

вых аппаратов.

На проходной посигналил внедорожник с широкими «гражданскими» колесами.

«Из города прибыл», – подумал Джек. Здешнюю технику обували в зубастые покрышки, чтобы карабкаться по мокрой глине и барханам, а из города приезжали на резине для асфальта.

И чего им тут понадобилось с утра пораньше? Может, какие-то важные новости? Например – наступление.

Джек даже остановился на крыльце столовой и посмотрел вслед проехавшей к офицерскому корпусу машине.

– Вряд ли, – произнес он вслух и вошел в столовую.

Взяв из стопки стаканчик, он налил из конвертора чая с сахаром, уселся за стол и решил дожидаться своих. Запах еды, тепло и деловитая суэта кухонных рабочих создавали какую-то домашнюю обстановку.

Неожиданно рядом шлепнулся на стул капитан Хольмер.

– О, Джек! А ты чего так рано?

– Меня лейтенант Хирш разбудил...

– А-а, – кивнул капитан. – Видел я его, слушал отчет. Выглядит молодцом, все вроде целы, но, похоже, нас действительно подставили.

Завидев Хольмера, к столу поспешил кухонный рабочий. Капитан был из тех, кто любил погонять ленивую обслугу.

– Что возьмете, сэр, первый или второй комплекс?

– Давай первый. И ему тоже, – сказал капитан и кивнул на Джека.

– Я подожду своих, сэр.

– Нет, ты пойдешь со мной. Там человек важный приехал, поговорить с тобой хочет.

– Значит, два? – уточнил рабочий.

– Да, неси два.

– Что за человек, сэр? – спросил Джек шепотом.

– Похоже, из контрразведки, – ответил капитан и вздохнул.

Появился кухонный рабочий со стопкой поставленных друг на друга тарелок. Местный персонал обходился без подносов и мог перетаскивать по паре десятков порций в каждой руке.

Видя это, Джек всякий раз опасался, как бы башня из горячих блюд не свалилась ему на голову.

– А вам он что сказал? – спросил Джек, принимая у официанта свою кашу.

– Сказал: «Где Джек Стентон»?

– Так и сказал? – удивился Джек и даже привстал.

– Сиди, – одернул его Хольмер и огляделся. – Ешь давай и пойдём разбираться.

– Но я ничего такого не делал, сэр! Я просто не мог! Я же сидел в казарме или был на операциях, за что меня арестовывать?

– Прекрати, Стентон, – приказал Хольмер, сердито пережевывая кашу. – Никто тебя не арестовывает. Возможно, это простая проверка, а может, они уже предательство расследуют, про которое Хирш докладывал.

– Ага, как же. Вы когда доклад в дивизию отправили?

– Полчаса назад.

– Так этот – на машине, к тому времени был уже здесь.

– Ладно, ешь, это обычное дело. Меня, между прочим, контрразведка дважды на допрос таскала.

– Правда, что ли? – не поверил Джек, берясь за бутерброды и какао.

– Правда.

– А за что вас вызывали, сэр? Предателей искали?

– Первый раз – да, расследование было. Я тогда еще лейтенантом был. Кто-то украл из штаба пачку секретных карт, абсолютно чистых, но секретных. Вот и таскали нас по-одному, да еще обыск в офицерской делали.

– А другой раз?

– А другой раз из-за бабы пострадал. Дал одному рыжему в табло во время отпуска в городе, а он контрразведчиком оказался.

– Но вы же сказали из-за бабы...

– Так из-за бабы и дал в табло. Но подробностей уже не помню, пьяный был. Я тогда хорошо закладывал.

– Разве это хорошо?

– Тогда считалось хорошо.

Они быстро закончили завтрак и вышли на крыльцо, когда первый взвод второй роты уже шел в столовую.

– Вечно наши запаздывают, – заметил Хольмер, поправляя кепи. – Ты заметил, что за каша была?

– Пшенная? – предположил Джек.

– Вот и я не заметил. Ладно, идем скорее в штабную, а то нам этот приезжий устроит...

– За что?

– За неуважение.

Джек постучался в дверь штабной комнаты, обычного офицерского кубрика, где вместо кроватей и шкафов стояла пара столов, на которых обычно раскладывали карты боевых действий или расставляли бутылки – в зависимости от ситуации.

– Входите! – крикнули из штабной.

Джек приоткрыл дверь и, заглянув внутрь, застыл на месте. Незнакомец в штормовке защитного цвета стоял посреди штабной комнаты и целился в него из пистолета с расстояния в пару метров. Не было ни шанса, чтобы сбежать или захлопнуть дверь.

– Кто такой? – спросил незнакомец.

– Джек Стентон, вообще-то...

– А-а, – протянул незнакомец и убрал пистолет в наплечную кобуру. – Заходи, садись, располагайся, а то уж я подумал, что они меня снова достали.

– Кто, сэр? – спросил Джек, осторожно входя и прикрывая за собой дверь.

– Оставим эту тему. Садись, угощайся. Тут какой-то парень притащил молока с печеньем, а я просил пива и чипсов. Как думаешь, издевается?

– Нет, сэр, это, наверно, мой командир взвода. Молоко и печенье его любимая еда.

Незнакомец внимательно посмотрел на Джека, потом сел на стул и запахнулся в широкие полы штормовки.

– Честно говоря, Стентон, думал, ты выглядишь посолиднее. Хотя и знал, что ты молод.

– Я доберу вес, сэр, и буду в порядке.

– Это понятно. Но я имею в виду солидность, понимаешь?

– Нет, – признался Джек и почувствовал себя виноватым.

– Ну и наплюй, – махнул рукой незнакомец и улыбнулся, чтобы поддержать собеседника. – Я, вообще-то, майор Стоун.

– Очень приятно, сэр, – сказал Джек, привставая со стула.

– Работаю в службе безопасности, а проще говоря – в контрразведке Тардиона, и приехал, чтобы предупредить тебя, Стентон.

– О чем?

– Арконы хотят тебя прикончить.

Джек помолчал, сосредоточенно анализируя услышанное. Звучало это не слишком приятно, но отнюдь не ново.

– Я знаю, сэр. Они всех нас хотят прикончить и пытаются делать это все то время, пока я здесь нахожусь.

Майор Стоун коротко рассмеялся и снова стал серьезным.

– Стентон, может быть, я не слишком четко выразился, но арконы хотят добраться именно до тебя лично. Понимаешь?

– Но почему?

– Есть мнение, что ты их здорово обидел.

– А что же я сделал не так? – растерялся Джек, и Сто-

ун снова улыбнулся, но быстро посерьезнел. Если за кем-то начиналась персональная охота, а такое случалось нередко, спасало такого человека только немедленное увольнение и отъезд на далекую родину. Но отъездов допускать не рекомендовалось, это отражалось на имидже промышленной группы. Вместе с тем предупреждать о персональной охоте считалось необходимым.

Майору Стоуну такие противоречивые инструкции не нравились, но против инструкций не попрешь.

– Наверно, ты все делал так, как надо, потому они на тебя и взъелись.

– А они вам это... сами сказали? – задал Джек совсем уже детский вопрос. Он был обескуражен. Мало того что война, так у противника на него еще и какие-то обиды!

– Нет, конечно. Нам удалось перехватить информацию с помощью одного из наших агентов.

– И что же это за информация?

– Она секретна, парень, но не для тебя. Одним словом, им очень не понравилось, когда кто-то разделал их шагающую технику в битве при «Машинерии». Это ведь ты был?

– Нет, – совсем растерялся Джек. Ему казалось, что еще можно как-то отовратиться в такой ситуации.

– Ну как же нет, приятель? Там у них был целый список из повреждений, некоторые стали фатальными, а другие вызвали серьезные проблемы с управлением и ведением огня. Как-то так.

– Но почему они все валят на меня?

– Не знаю, приятель. Но вроде бы ты был еще причастен к падению форта «Аллегро».

– Первый раз слышу, сэр! – в отчаянии воскликнул Джек.

– Это там, где роботам и танкам прострелили какие-то штуки и они после этого ни хрена толком работать не могли...

– А-а... – протянул Джек, вспоминая, и кивнул с обреченным видом.

– Они вычислили, что в обоих случаях был «таргар» и стрельба из бронебойного ружья.

– Бронебойных ружей много, – попытался отмазаться Джек.

– Да, но они определили, что диверсионный комплекс «рапира» был распределен именно в вашу часть. Когда все совпало – и ты, и «таргар», и ружье, других кандидатур не осталось.

– Понятно, – кивнул Джек и совсем пал духом. Шутка ли дело, Аркон объявляет ему персональную войну!

– Да ладно, не дрейфь, это же война. Сегодня они тебе угрожают, а завтра ты им! – решил поддержать Джека майор, а сам подумал: «Грохнут они его».

– А может, вы мне как-то поможете?

– Как я тебе могу помочь?

– Но вы же контрразведка!

– Контрразведка – это не бронированная комната с теп-

лым сортиром и ванной, приятель. Мы, как и вы, на переднем крае, только мы бойцы фронта невидимого...

– Как это? – не понял Джек.

– А вот так. Ты видишь своего врага, фиксируешь его перемещения и так далее. А мы своих врагов не видим, и они нас.

– А как же вы тогда воюете?

– В крошечной темноте, приятель. При полной невидимости.

В дверь требовательно постучали, и не успел Стоун, как старший в помещении, ответить, как она распахнулась и вошел капитан Хольмер. Он выглядел взволнованным и нервно поправлял на голове кепи.

– Прошу прощения, сэр, но у нас тут... Срочный вызов!

– Да пожалуйста, мы уже закончили, – развел руками майор и, встав со стула, отошел к окну.

– Так, Стентон! – произнес Хольмер, затем метнулся столу и выдернул из пачки подходящую карту. – Вот смотри, это район Бининской возвышенности, видишь?

– Вроде так, сэр, – ответил Джек, который пока плохо разбирался в бумажных картах.

– Вот сухое озеро, вот дорога, узнаешь?

– Я видел это на экране, сэр.

– Неважно, Баркли тебя сориентирует.

– Капрал Баркли?

– Не перебивай меня, время дорого! Вот тут и тут появи-

лись четыре блинкера арконов, роют песок и строят укрепления как заводные. Если мы их не уничтожим, через десять часов здесь встанет укрепрайон и к нам – прямо сюда, будут наведываться легкие танки. Усекаешь, что за жизнь начнется?

– Усекаю, сэр. Но блинкеров нам не пробить, у них броня, как...

– Не перебивай меня! – воскликнул Хольмер и нервно поправил кепи. – Блинкеров кумулятивными гранатами полетят убивать стритмодули, но вот тут, тут и тут стоят временные зенитные позиции, врубаешься?

– Так точно, сэр, – кивнул Джек, глядя на карту и легко представляя, как топорщатся в небо счетверенные стволы зенитных установок. – Зенитки нужно уничтожить.

– Молодец! До места высадки сто двадцать километров. Пойдешь ты, Баркли на своем «грее» и еще Лаховский из второй роты – тоже на «грее». Через двадцать минут вас прямо с техзоны поднимет середнячок «гудзон». Прямо с техзоны, Стентон, не тормози!

– Я понял, сэр! Понял! – кивнул Джек, не отрываясь от карты. Это была всего лишь цветная вощенная пластиком бумага, но он уже видел на ней реальные цели и скрытые подходы для «середнячка» на малой высоте.

– Если понял, бегом в техпарк! Время дорого! Транспорт уже в воздухе, механики выводят машины из ангаров!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.